

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik i književnost

Diplomski rad

***ЗАКАТ САМИЗДАТА И НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
СЛУЧАЙ С. ДОВЛАТОВ***

Studentica: Marijana Jurčević

Mentorica: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.

ak. god.: 2014/2015.

U Zagrebu, 14. rujna 2015.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik i književnost

Diplomski rad

***THE END OF SAMIZDAT AND UNOFFICIAL COMMUNICATION: THE
CASE OF S. DOVLATOV***

Studentica: Marijana Jurčević

Mentorica: dr. sc. Natalija Vidmarović, red. prof.

ak. god.: 2014/2015.

U Zagrebu, 14. rujna 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение.....	2
2. Представление темы в научных работах	3
2.1. Формирование архива самиздата <i>Радио Свобода</i>	8
3. Появление и распространение второй культуры в СССР	9
4. Третья волна эмиграции	13
5. Социокультурный феномен Самиздата.....	17
5.1. Положение самиздата в теории	17
5.2. Этапы развития самиздата	18
5.3. История развития самиздата.....	19
5.4. Тамиздат, магнитиздат	23
5.5. Самиздат и современные теории литературы и коммуникации	25
6. Западное радио как продолжение самиздатской деятельности.....	26
6.1. Вражеские голоса в СССР	26
6.2. <i>Радио Свобода</i> – история и развитие	30
6.3. Литературная деятельность <i>Радио Свобода</i>	35
6.4. Сергей Довлатов и <i>Радио Свобода</i>	38
7. Заключение	40
8. Приложение: Перевод, как вклад в дальнейшее распространение русской литературы позднего социализма в хорватских рамках: Сергей Довлатов: <i>Мой старший брат / Moj stariji brat</i>	42
9. Список источников и литературы	58
9.1. Книги и статьи на русском языке.....	58
9.2. Книги на английском языке.....	61
9.3. Интернет страницы.....	63

1. Введение

В данной работе будут пересмотрены Самиздат (и все его составляющие), а также другие виды неофициальной коммуникации, причем имеется в виду деятельность западных радио, которые Советская власть считала враждебными голосами. Внимание уделено 1970–1980 гг., периоду до начала перестройки и снятия всех запретов на обмен информацией любого вида. Мы отодвинемся от политического подхода в исследовании неофициальной среды и будем обсуждать социокультурный феномен неофициальной коммуникации в период позднего социализма в СССР.

Неофициальная коммуникация началась с появлением самиздата, и это был первый вид обмена информацией культурно-художественного фона. Но со временем неофициальная среда усложнялась и расширялась, и сегодня можно исследовать ее разные аспекты: самиздат, тамиздат, диссидентское и правозащитное движение, неформальное искусство и музыку.

Мы будем обсуждать более подробно те аспекты неофициальной коммуникации, в которых распространение официально запрещенных литературных текстов и современной русской литературы заняло значительное место.

Итак, в этой работе упор делается на развитии и сохранении литературной традиции в эпоху позднего социализма. Литературное направление неофициальной коммуникации не существовало отдельно, само за себя. Все направления неофициальной коммуникации пересекаются и влияют друг на друга, и поэтому иногда трудно проводить границу между ними. Мы попытаемся перенести ситуацию, в которой оказалась неофициальная литература в течение 1970–1980 гг.

Ключевую роль в сохранении литературной традиции сыграли не только письменные формы распространения самиздата (и тамиздата), т.е. самодельный, машинописный самиздат, но и устные – через вещание западного радио на СССР, имея в виду, прежде всего литературную деятельность¹ Русской службы *Радио Свобода*.² Направленность РС на распространение и, одновременно, сохранение модернистской и современной русской литературы сделало его своего рода *тамиздатом*.³

---

¹ Кроме литературной деятельности, мы попутно коснемся исторического и политического развития *Радио Свобода*.

² Далее в тексте будет использоваться аббревиатура РС вместо *Радио Свобода*, и при этом имеется в виду преимущественно Русская служба РС.

³ О таком отношении к радио говорит и Анна Колчина в своих научных статьях и исследованиях.

Западное радио с начала 1960 гг. стало неотъемлемой частью неофициальной, *второй* культуры, а потом и ее главным оружием в борьбе с угрозами Советской власти и в повышении осведомленности о нарушении прав человека. Вещание западных радиостанций в эти годы (1970–1980-е) увеличивается, что отлично показывает пример *Радио Свобода*, которое все больше внимания уделяло, кроме гуманитарно-политических передач, культурно-общественным передачам и темам (жизнь в России и за рубежом, литература, музыка). На РС (штатно и внештатно) тогда работали эмигрировавшие на Запад известные русские писатели, ученые, диссиденты и другие, которые не только обсуждали актуальные политические темы и проблемы в СССР, о которых Запад больше узнал путем самиздатских потоков информации, но и читали свои произведения (рассказы, книги), статьи и вели передачи на разные культурно-общественные темы. Таким образом, эмигрировавшие писатели и остальные сотрудники западных радиостанций расширяли рамки Самиздата и знакомили своих слушателей с культурными актуальностями и литературными достижениями вне и внутри страны.

Его внештатным сотрудником в нью-йоркском отделении был, между прочим, и Сергей Довлатов (1941–1990), который вначале читал свои произведения⁴, участвовал в комментариях, сочинял статьи и эссе для эфира, а потом и регулярно вел передачи в программе *Писатели у микрофона*. Учитывая факт, что Довлатов в хорватской переводной (русской) литературе почти неизвестен⁵, в заключении этой работы мы прилагаем перевод его рассказа *Мой старший брат*, созданного в эмиграции в начале 1980 годов, а прочитанного на РС.

2. Представление темы в научных работах

Учитывая факт, что тема данной дипломной работы касается нескольких больших культурно-исторических тем, в целях исследования автор пользовался ключевыми для этого контекста книгами и статьями по подразделам самиздата, радиовещания, литературы третьей волны эмиграции и частично диссидентского движения (так называемые *инакомыслящие*).

---

⁴ Он прочитал почти все свои рассказы на радио, и, таким образом познакомил своих соотечественников со своими произведениями, которые также распространялись в СССР и путем тамиздата.

⁵ У нас переведен и опубликован только сборник рассказов *Чемодан* (Sergej Dovlatov, *Kovčeg*, prev. Sanja Veršić, Zagreb: Naklada Ljevak, 2013).

В последние двадцать лет значительно увеличилось число работ, касающихся неофициальной деятельности советского общества по обеим сторонам железного занавеса. Вследствие нового тренда самиздат и неофициальная культура приобрели более широкие значения, особенно в социальных науках.

Проблема определения терминологии одна из самых обсуждаемых в научных статьях и книгах на тему самиздата и деятельности других неофициальных явлений. Из-за этого нам нужно, во-первых, разобраться в часто связываемых с данной тематикой понятиях, во-вторых, выбрать самый подходящий для этой работы термин. Для данного исследования мы ограничимся основными терминами и их значениями, только попутно ссылаясь на их варианты.

Ключевые книги и статьи на тему самиздата и неофициальной культуры приводят к выводу, что с углублением научных предположений, связанных с культурно-общественной ситуацией в Советском Союзе после смерти Сталина, увеличивалось и число (научных) терминов, относящихся к этому периоду. Поэтому разных групп, отказавшихся полностью от государственных решений по вопросам художественной, общественно-культурной, научной и политической деятельности, называли анде(р)граундом, подпольем, неподцензурной деятельностью, нонконформистами, неформалами, неофициальной культурой, второй культурой.⁶

Чтобы избежать путаницы и двусмысленности, нужно было подобрать обобщенный термин, который охватывал бы все явления периода 1960–1980 гг. В этом контексте больше всех мы будем пользоваться двумя синтагмами *неофициальная* и/или *вторая культура*.

Самиздат сегодня является широко известным словом, т.е. общественно-культурным явлением. Благодаря статьям и книгам русскоязычных и англоязычных теоретиков, эта тема довольно хорошо обработана и близка поколениям, не имеющих никакой связи с этим явлением, даже с советской эпохой.

Вклад в исследование самиздатской деятельности в широком смысле внесли многочисленные теоретики, писатели и другие свидетели вышеупомянутого явления. Книги и статьи на тему самиздата посвящены не только его возникновению и историческому развитию. Подходы исследованию самиздата сегодня разнообразны (культурный, литературный, политический и др.), в зависимости от интересов самого

---

⁶ Подробные объяснения терминов приводит в своей книге Станислав Савицкий. *Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы* (Москва: Кафедра славистики Университета Хельсинки, Новое литературное обозрение, 2002).

автора. Упор делается на определенный аспект самиздатской деятельности - тип распространявшихся текстов, которые с сегодняшней точки зрения легче обсуждать более объективно. Память о самих текстах сохранили антологические сборники самиздата⁷ и архивы самиздата, находящиеся сегодня в разных странах мира (США, Россия, Венгрия, Германия).

Большой вклад в исследование самиздата и неподцензурной деятельности дали книги и статьи Александра Даниэля⁸, Станислава Савицкого⁹, Виктора Кривулина¹⁰, Вяч. Долинина¹¹, Фридерике Кинд-Ковач¹², Г. Скиллинга¹³ и Анн Комароми¹⁴. Статьи Комароми являются интересными, потому что она не пишет о уже известных фактах, связанных с историческим развитием самиздата. Она находит новые подходы в исследовании, связывая Самиздат со структурализмом, постструктурализмом и другими постмодернистскими теориями. Она пишет о фетишизации самиздатских текстов, об обмене текстами как обмене подарками, а в этом контексте и о сентиментальном значении самиздата. Комароми также рассматривает самиздат как альтернативный вариант в сравнении с официальной печатью любого вида. Еще Ахматова говорила о самиздате как о *догутенбергском* периоде в СССР, а Лев Рубинштейн как о *внегутенбергском* явлении, ссылаясь, как и Комароми позже, на материальность самиздатских текстов.¹⁵

---

⁷ Игрунов В. В., ред., *Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е.*, (Москва: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005); В. Э. Долинин, Б. И. Иванов, Б. В. Останин и Д. Я. Северюхин. *Самиздат Ленинграда: 1950-е – 1980-е. Литературная энциклопедия. 1-ый том* (Москва: Новое литературное обозрение, 2003).

⁸ Александр Даниэль, «Истоки и смысл советского самиздата», в: *Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е.*, Игрунов В. В., ред. (Москва: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005): 17-33.

⁹ Станислав Савицкий, *Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы.* (Москва: Кафедра славистики Университета Хельсинки, Новое литературное обозрение, 2002).

¹⁰ Виктор Кривулин, „Золотой век самиздата“ *Русская виртуальная библиотека.* <http://www.rvb.ru/np/publication/00.htm>.

¹¹ Долинин, „Преодоление немоты“, в: *Самиздат Ленинграда: 1950-е – 1980-е. Литературная энциклопедия.* (Москва: Новое литературное обозрение, 2003): 7-52.

¹² Friederike Kind-Kovacs, Jesse Labov, ed. *Samizdat, Tamizdat and Beyond. Transnational Media During and After Socialism* (New York, Oxford: Berghahn Books, 2013).

¹³ Gordon H. Skilling, *Samizdat and an Independent Society in Central and Eastern Europe* (Hampshire, London: The Macmillan Press LTD, 1989).

¹⁴ Она пишет о самиздате с точки зрения постмодернистской теории. Ann Komaromi „Samizdat and Soviet Dissident Publics“, *Slavic Review*. Vol. 71, No. 1 (Spring, 2012): 70-90; Komaromi „Samizdat as Extra-Gutenberg Phenomenon“, *Poetics Today. Publish and Perish: Samizdat and Underground Cultural Practices in the Soviet Bloc (I)* Vol. 23, No. 4 (Winter, 2008): 629-667; Komaromi „The Material Existence of Soviet Samizdat“. *Slavic Review* Vol. 63, No. 3 (Autumn, 2004): 597-618; Komaromi „The Unofficial Field of Late Soviet Culture“. *Slavic Review*. Vol. 66, No. 4 (Winter, 2007): 605-629.

¹⁵ См. подробнее о таком рассматривании самиздата: Komaromi „Samizdat as Extra-Gutenberg Phenomenon“ 632.

Вклад Людмилы Алексеевой¹⁶, главы московской хельсинской группы, важен не только для истории самиздата, но и для исследования правозащитного и диссидентского движения (инакомыслящие), чьим активным участником была и сама Алексеева.

Что касается вещания западного радио, большой вклад в его исследование внесли именно выпуски западных радиостанций, особенно *Радио Свободная Европа/Радио Свобода*¹⁷. Здесь внимание уделено не только историческому развитию деятельности РС, вещавшего именно на СССР, но и концепции их культурной и литературной программы.

Почти все книги, опубликованные до настоящего времени, написаны на английском языке и пока нет русских переводов, за исключением книги *Искры Свободы* Джина Сосина¹⁸. Мемуарно-историческая монография Дж. Сосина является единственной книгой на тему РС, в которой внимание в большой мере уделяется неполитической деятельности РС.

Остальные авторы опубликованных до сих пор книг являются бывшими сотрудниками РСЕ/РС (каким был и Сосин), а о деятельности радио пишут в основном с аспекта политики и дипломатии в период, когда международное напряжение достигло пика. Самыми важными из таких книг являются: *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio*¹⁹, *RFE and RL: CIA Years and Beyond*²⁰, *Cold War Broadcasting*²¹, *Discovering the Hidden Listener*²² и другие. В этих книгах внимание уделено, прежде всего, историческому развитию радиостанций *Радио Свободная Европа* и *Радио Свобода* и обсуждается их финансирование Конгрессом США через Центральное Разведывательное Управление (далее в тексте ЦРУ).

В данном контексте самой интересной является литературная и культурная деятельность Русской службы РС. Литературный самиздат и культурная деятельность

---

¹⁶ Людмила Алексеева, *История инакомыслия в СССР. Новейший период* (Москва: Московская Хельсинкская группа, 2012).

¹⁷ В этом контексте будет обработана только часть этой большой корпорации культурная и литературная деятельность Русской службы *Радио Свобода*.

¹⁸ Джин Сосин, *Искры Свободы. Воспоминания ветерана радио* (пер. с англ. О. Поленовой и И. Толстого).

¹⁹ Arch Puddington, *Broadcasting Freedom. The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty* (Kentucky: The University Press of Kentucky, 2000).

²⁰ Ross A. Johnson, *Radio Free Europe and Radio Liberty. The CIA Years and Beyond* (Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2010).

²¹ Ross A. Johnson ed., *Cold War Broadcasting. Impact on the Soviet union and Eastern Europe. A collection of studies and documents.* (Budapest – New York: Central European University Press, 2010).

²² Eugene R. Parta, *Discovering the Hidden Listener: An assesment of Radio Liberty and western broadcasting to the USSR during the Cold War; A study based on research findings, 1970-1991.* (Stanford: Hoover Institution Press, 2007).

РС в контексте перечисленных книг упоминаются только попутно или вообще не упоминаются. Тем не менее, эти книги являются очень важными и относительно объективными источниками в понимании более широкого контекста деятельности западного радио за железным занавесом. Первой попыткой соединить значимость литературной и культурной программы радио с самиздатом является книга под редакцией Фридерике Кинд-Ковач.²³

Упор на прямую связь радио с сохранением литературной традиции первой делает Анна Колчина в своей диссертации, а потом и ряде лекций и статей именно на эту тему.²⁴ Она также обсуждает связь между языками литературных произведений писателей и их передач на *Радио Свобода*. Колчина утверждает, что интонация и язык передач, как например Сергея Довлатова, Владимира Войновича, Александра Галича и других, происходят именно из их произведений. Когда они писали для радио, то всегда читали (даже сочиняли) "в голос", имея в виду плохое качество вещания на СССР из-за постоянных глушилок и плохих приемников.

Необходимо упомянуть и архивы самиздата, особенно архив *Радио Свободная Европа и Радио Свобода*²⁵, который сегодня находится в рамках Центрального европейского университета, т.е. *Архива Открытого общества* в Будапеште, созданного именно для хранения разных документов борьбы за права человека и периода холодной войны.

Сегодня все эти архивы являются важным источником для тщательных исследований различной тематики.

---

²³ Friederike Kind-Kovacs, Jesse Labov, ed. *Samizdat, Tamizdat and Beyond. Transnational Media During and After Socialism*

²⁴ Аспирантка кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Анна Колчина, *Радио Свобода как литературный проект. Социокультурный феномен зарубежного радиовещания* (Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014); Колчина, *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Социокультурный феномен "Радио Свобода" в информационном пространстве современной России* (Москва: МГУ Факультет журналистики, 2011); Колчина, „Писатели-эмигранты у микрофона Радио Свобода в 1970-1980 годы“. *Медиаскоп*. № 3 (2010) <http://www.mediascope.ru/node/624>; Колчина, „Литературная жизнь современного русского Зарубежья: писатели у микрофона Радио Свобода“. *Медиаскоп*. № 1 (2011) <http://www.mediascope.ru/node/741>; Колчина, „Радио Свобода в новой России: трансформация редакционной политики (1991–2013 гг.)“. *Медиаскоп*. № 1 (2014) <http://www.mediascope.ru/node/1489>; Колчина, „Радио Свобода: от истории к сценической интерпретации“. *Медиаскоп*. № 2 (2015) <http://www.mediascope.ru/node/1724>; Колчина, „Как Радио Свобода сохранило запрещенную литературу“. Опубликовано 04/06/2015. <https://www.oximity.com/article/%D0%9A%D0%B0%D0%BA-%D0%A0%D0%B0%D0%B4-1>.

²⁵ Радиостанцию перевели из Мюнхена в Прагу в 1995 году, а архив в рамках ЦЕУ - в Будапешт.

2.1. Формирование архива самиздата *Радио Свобода*

Со второй половины 1960-х на РС постоянно приходили документы самиздата, от писем протеста до целых произведений, тайно вывезенных из СССР. Русская служба РС с того момента начала принимать на работу ряд ученых, которые изучали пришедшие документы и определяли их подлинность. Большой прилив документов позволил создание Секции Самиздата²⁶ в 1968 году, а потом и Архива Самиздата, который находился в Мюнхене, где тогда была штаб-квартира РСЕ/РС. После перемещения РСЕ/РС в Прагу, Архив самиздата РС переселили в Будапешт, где в связи с этим был учрежден *Архив Открытого общества* (Фонд Сороса), в котором сегодня хранятся все документы, касающиеся периода холодной войны и событий, произошедших во всех бывших коммунистических странах, в том числе и Югославии. В *Архиве* хранятся самиздатские тексты различной тематики (политические, философские, религиозные и др.), но литературные произведения не включены в его фонд. Еще в течение 1970-х служба *Архив самиздата* на РС начала с выпуска собранных текстов под названием *Материалы самиздата* и *Собрание документов самиздата*.

Собранием документов занимались не только сотрудники РС и журналисты, но все люди, желающие способствовать „освобождению советского общества“. Например, Мартин Девирст²⁷, работающий на РС с 1960-х, часто привозил самиздат из СССР на РС, где потом бережно делали копии оригиналов. Это не единственный пример – даже дипломаты, ученые и туристы участвовали в таких подвигах.

Отрицательный пример архивной деятельности было то, что не хранились литературные тексты²⁸, из-за чего сложилось мнение, прежде всего на Западе, что самиздатская деятельность является в первую очередь диссидентской, правозащитной, в общем, политической.²⁹

Еще важен для хранения пленок и документов РСЕ/РС *Гуверовский институт войны, революции и мира*, входящий в систему Стенфордского Университета в США.

---

²⁶ Он являлся частью Департамента для исследования РСЕ/РС. Благодаря данным опросов, которые втайне выполняли советские туристы, администрация РСЕ/РС узнала больше о настоящем числе слушателей западных радио в СССР и их интересах. См. подробнее об анализе всех радиостанций, вещавших на СССР: Parta, *Discovering the Hidden Listener*.

²⁷ Martin Dewhirst.

²⁸ Такое было желание ЦРУ и Конгресса США..

²⁹ Olga Zaslavskaya „From Dispersed to Distributed Archives: The Past and the Present of Samizdat Material.“ *Poetics Today* Vol. 29, No. 4 (Winter, 2008): 704.

С другой стороны, в Торонто находится большой архив самиздатских журналов, а в Москве, в центре *Мемориал* – собрание диссидентских изданий, а также и литературный самиздат. Кроме Москвы, литературные тексты хранятся в архивах в Санкт-Петербурге, Бремене в Германии, США.

Литературные тексты в периоде, интересном для нас, больше всего распространялись через тамиздат, из-за чего и не сохранились первые (самиздатские) копии.³⁰

3. Появление и распространение второй культуры в СССР

Борьба со свободной мыслью, особенно в печатном виде, началась еще во время Октябрьской революции 1917 года. Через три дня после штурма Зимнего дворца Большевиками был принят *Декрет о печати*, которым запрещались „контрреволюционные издания“.³¹ Следующая волна запретов произошла во второй половине 1920 годов, когда ввоз иностранной литературы в СССР тоже стал запрещенным. В 1930 годы коммунистическая власть под руководством Сталина ужесточила репрессии во всех аспектах жизни. Долинин пишет, что „[р]епрессиям подвергались не только отдельные писатели и поэты, но и целые литературные направления, школы, издательства и журналы“.³² С тех времен существовали только государственные издательства со своими отраслями. Все частные издательства закрыли, что и повлияло на появление самиздата.³³

В общем, *Главиздат*, издательство ответственное за литературные издания, проводило антииздательскую деятельность.³⁴ *Главиздат* решал, что будет издано, а что нет, что считается приемлемым, а что неприемлемым для Советской власти. Издательство не только не публиковало, но и изымало все виды дореволюционных публикаций из общественного (библиотеки), а часто и личного употребления.

Такое поведение официальной политики привело к появлению подпольного, неофициального распространения „новой“ и „старой“ литературы. „Таким образом

---

³⁰ Хранению тоже мешали и авторские, и издательские права.

³¹ Долинин, „Преодоление немоты“, 7.

³² Там же, 7.

³³ Алексей Пятковский, „Очерк истории самиздата“ (искать под: „частные издательства“) (<http://gefter.ru/archive/5757>).

³⁴ Долинин, „Преодоление немоты“, 8.

была сохранена от уничтожения и забвения значительная часть литературного наследия репрессированных и отторгнутых официальной культурой авторов.³⁵

Широко известен случай Осипа Мандельштама (1891–1938), чьи стихи сохранились благодаря его супруге, Надежде Мандельштам (1899–1980), которая хранила его рукописи в ботинках и кастрюлях, и выучила наизусть почти все его стихи.

Хотя во время Сталина существовали отдельные примеры подпольного распространения разных видов текстов, их число увеличилось после его смерти, в 1953 году, когда началось формирование более серьезной организованной и свободно действующей (в сравнении с эрой Сталина) неофициальной культурной среды. Все же, подавление венгерской революции Советским правительством в 1956 году показало, что советская власть только по видимости изменила свою внутреннюю политику и отношение к своим гражданам.³⁶ Хрущев говорил, что политзаключенных больше нет, но это совсем не соответствовало ситуации в стране.

Политика нового курса с начала 1950-х привела к смягчению официальной политики КПСС. В то же время ситуация для писателей и всех свободомыслящих людей сильно не изменилась. Так, Анна Ахматова (1889–1966) в конце 1950-х распространяла свои стихи нелегальным путем, после чего они стали публиковаться на Западе.³⁷ Пример Анны Ахматовой не был единственным случаем. „В стол“ писали до и после Ахматовой, включая и Сергея Довлатова, который нам интересен в контексте 1970–1980 гг. и его деятельности на *Радио Свобода*.

Есть случай попытки в течение 1960-х (однократно) официально опубликовать некоторых авторов (Сергея Есенина, Ивана Бунина, Саши Черного, Велимира Хлебникова, Марины Цветаевой).³⁸ В итоге, их число небольшое в сравнении с числом неопубликованных и запрещенных авторов (Л. Гумилев, В. Набоков, Б. Пильняк, А. Платонов и многие другие). Их память сохранилась благодаря неофициальной среде – самиздату и труду читателей, которые старательно переписывали их произведения. Машинописные тиражи³⁹ в несколько раз превышали официальные во время СССР, о чем свидетельствует и Надежда Мандельштам.⁴⁰ Таким способом книги, которые стали

---

³⁵ Долинин, „Преодоление немоты“, 8.

³⁶ Алексеева, *История инакомыслия в СССР*, 215.

³⁷ Долинин, „Преодоление немоты“, 10.

³⁸ Там же, 11.

³⁹ Невозможно определить их точное количество и размеры популярности определенного текста. Именно из-за этого самиздат считается неустойчивым явлением.

⁴⁰ Долинин, „Преодоление немоты“, 11.

библиографической редкостью, были доступны советским читателям (перепечатки книг из досоветского периода, или ограниченные выпуски в течение 1950 гг.).

Двумя главными центрами развития неофициальной культурной среды и самиздата были Москва и Ленинград. Для каждого характерен определенный вид распространяющихся текстов – для Ленинграда поэтические и философские литературные произведения, а для Москвы распространение неформальных журналов и работ научно-исследовательской и правозащитной тематики. Не только литература распространялась подпольными способами, но и искусство, музыка, в общем, вся „духовная“ жизнь. Кроме самиздата, деятельность *неофициалов* распространялась через квартирные чтения, семинары, выставки, концерты и другие виды научной и культурной деятельности.⁴¹ Такие встречи и события обозначали полную „институционализацию второй культуры“⁴².

В течение 1970–1980 гг., существование неофициальной общественной деятельности еще более усилилось и расширилось. *Вторая культура* обозначала культуру, „которая не просто реализует себя в обход цензурных ограничений, а вообще игнорирует эти ограничения. Речь уже идет не о рукописях, отвергнутых цензурой, а о рукописях, изначально не предназначенных для цензуры.“⁴³ В своем начале такое поведение литераторов относилось к деятельности Ленинградских „неформалов“, но потом стало широко известным явлением, которое развивалось по своим правилам и законам, включая все чаще и нелитературную, политическую деятельность (правозащитники, диссиденты).

Хотя литературный самиздат был первым видом самиздата, после того, когда самиздат появился на культурной сцене, в период *оттепели* начал развиваться общественно-политический самиздат, который вскоре занял первое место по количеству напечатанных текстов правозащитной тематики.

Арест Александра Гинзбурга (редактор журнала *Синтаксис*) является только одним из примеров продолжения репрессий в 1960 годы, которые расправлялись с инакомыслящим по-другому. В эти годы, особенно в брежневское время, авторов и активистов правозащитного движения посылали в психиатрические больницы. С приходом Брежнева на власть государственный контроль над печатью снова

---

⁴¹ Долинин, „Преодоление немоты“, 25.

⁴² Zaslavskaya „From Dispersed to Distributed Archives“, 685.

⁴³ Ольга А. Сурикова, *Автореферат диссертации на тему: Русский самиздат 1960-1980-х годов: Судьба поэзии модернистов и ее традиции. Московские творческие объединения и периодические издания.* (Москва: 2013). <http://www.dissercat.com/content/russkii-samizdat-1960-1980-kh-godov-sudba-poezii-modernistov-i-ee-traditsii-moskovskie-tvorc#ixzz3gr2MEZY5>

ужесточился. Во второй половине 1960 годов начались самые интересные судебные процессы над известными писателями (Иосифом Бродским, который был обвинен в тунеядстве, и над Юлием Даниэлем и Андреем Синявским). Писатели приобрели всемирную славу, а их произведения продолжали печатать и распространять в самиздате и тамиздате. С другой стороны, эти процессы повлияли на появление правозащитного движения, чьи тексты стали преобладать в самиздате. Спустя несколько лет то же самое произошло с Александром Солженицыным (1918–2008), которого в 1974 лишили советского гражданства, а он был выслан из СССР. Его самое влиятельное произведение, *Архипелаг ГУЛАГ*, было издано на Западе.⁴⁴

Многочисленные примеры арестов, высылки и лишения прав стали самой актуальной проблемой и в период послесталинского социализма⁴⁵. Эти обстоятельства повлияли на появление третьей волны эмиграции интеллигенции из СССР⁴⁶. Выехавшие или высланные на Запад продолжали свою литературную или научную работу, обычно с целью оповещения своих соотечественников о настоящей правде.

В 1970–1980-е „подлинная свобода слова, мысли и творчества была возможна только вне контролируемых партийной властью государственных структур.“⁴⁷ С приходом Михаила Горбачева к власти в 1985 году начался период *перестройки*, в котором, во-первых, ослабили официальный контроль, а потом, в 1987 году, сняли запрет на печать официально запрещенных до тех пор авторов. Тогда в первый раз широкий круг людей ознакомился с произведениями Булгакова, Зощенко, Замятина, Пастернака, Набокова и современных авторов. Год спустя советское правительство сняло все запреты, а также глушение западных радиостанций, и тем самым сделало возможным свободный поток информации, что обозначило конец неофициальной, второй культуры.

---

⁴⁴ Машинистку Елизавету Воронянскую, которая по просьбе самого Солженицына перепечатывала его произведение, представители власти арестовали. После пятидневных допросов она покончила жизнь самоубийством. Долинин, „Преодоление немоты“, 20.

⁴⁵ Надо подчеркнуть, что эта проблема была актуальной и раньше, но о ней нельзя было говорить, открыто и втайне.

⁴⁶ Приводим только некоторые имена людей, эмигрировавших в период 1970-х: Ефим Эткинд, Владимир Мараззин, Михаил Хейфец, Лев Лосев, Юлия Вознесенская, Борис Гройс, Сергей Довлатов, Петр Вайл, Василий Аксенов, Владимир Войнович, Александр Галич, Виктор Некрасов, Андрей Синявский и многие другие. Долинин, „Преодоление немоты“, 25, 41.

⁴⁷ Долинин, „Преодоление немоты“, 25.

4. Третья волна эмиграции

Параллельно с установлением неофициального движения под „руководством“ русской интеллигенции, диссидентов и других инакомыслящих, началась и третья волна эмиграции тех же участников русского интеллектуального общества. Третья волна относилась больше всего к эмиграции диссидентов и писателей, которые в СССР не могли вполне свободно сочинять.

Улучшение интеллектуальной деятельности, которое сделала возможным хрущевская *оттепель*, скоро оказалось нефункциональным в контексте правящей политики. Так называемые *шестидесятники* увидели, что действительно изменилось мало, особенно в сфере духовного творчества. Писатели и другие участники неофициальных кружков уезжали по разным причинам, больше всего из-за недемократичного общества и невозможности свободного выражения своих взглядов. Именно поэтому писатели-эмигранты в Западе видели выход для собственной творческой реализации.

Вначале писатели старались либо печататься в неофициальном виде, либо высылать свои произведения, статьи, доклады за границы СССР, т.е. печататься на Западе. Своего рода предтечей, первым из писателей, который выслал свое произведение на Запад через журналиста, был Борис Пастернак (*Доктор Живаго*). Следуя его примеру, это сделали и А. Синявский и Ю. Даниэль, потом А. Солженицын, И. Бродский.⁴⁸ Но и такие попытки оказались недостаточными для личного развития их самих и других писателей.

В период после Сталина репрессии появились в несколько ином виде: не были такими резкими как раньше, но их более мягкие варианты все еще существовали. С помощью них советская власть справлялась с неугодными политическими и культурными деятелями (отправки в психиатрические больницы, ссылки, изгнание из страны). С начала 1970-х начались изгнания писателей и других диссидентов из СССР, чтобы они не распространяли враждебные мысли среди советских граждан. Если советская власть их не изгнала, они сами решили эмигрировать. Таким образом русская

---

⁴⁸ Их произведения печатались под их псевдонимами, Абрам Терц и Николай Аржак.

литература оказалась третий раз в изгнании⁴⁹, или „в послании“, как иронично констатировали изгнанные писатели.⁵⁰

Общее состояние в отношении истеблишмента к талантам и новаторам хорошо описал Долинин: Для подавляющего большинства талантливых поэтов и прозаиков путь к официальному признанию либо был закрыт, либо пролегал через годы тщетных ожиданий и, что хуже всего, через унижительное заискивание перед литературным начальством, самоубийственное лицемерие в творчестве.⁵¹

Довлатов продолжает: „Если при Сталине талантливых писателей сначала издавали, затем обливали грязью и, наконец, расстреливали или уничтожали в лагерях [...], то теперь никого не расстреливали, почти никого не сажали в тюрьму, но и никого не печатали“⁵², что часто приводило к уходу из литературы, или, другой вариант, уезду за границу.

Синявский считает, что диссидентское движение (и, в общем, неофициальную культурную сферу) породила потеря веры в правительство и тоталитарное общество, какое было СССР.⁵³ Именно во время смягчения официальной политики заложена основа для развития нового общества, которое задумано не как оппозиция официальному истеблишменту, а как общество, освобожденное от угнетающих рестрикций.

Третья волна частично похожа на первые две - их связывает несогласие с советским правительством, но их мировоззрение совершенно различно. Новое поколение писателей вполне принадлежит к советскому обществу, не имея никакой прямой связи с дореволюционным периодом, „буржуазией“, религией, Серебряным веком. „Изгнание“ большинства писателей не было вынужденным, а личным выбором, это было иногда единственным выходом, чтобы продолжать творческую деятельность.

Если миссия “первой волны” эмиграции состояла в том, чтобы зафиксировать и попытаться сохранить уходящую русскую культуру, то “третья волна”, как уже было сказано, эстетическую задачу осознанно сочетала с идеологической: опубликовать запрещенные в СССР и других странах Восточной Европы политически и/или эстетически нонконформистские тексты, разоблачить людоедскую практику коммунизма, открыть миру глаза на тоталитарное устройство советского общества.⁵⁴

---

⁴⁹ Елена Скарлыгина, „В зеркале трех эмиграций: самоидентификация как проблема эмигрантского сознания“. Опубликовано в журнале НЛО. № 93 (2008). <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>

⁵⁰ Одни теоретики приписывают эту фразу Мережковскому, а другие Н. Берберовой и З. Гиппиус. См. Скарлыгина, „В зеркале трех эмиграций“ <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>

⁵¹ Долинин, „Преодоление немоты“, 15.

⁵² Там же, 15.

⁵³ Komaromi „The Unofficial Field of Late Soviet Culture“, 610.

⁵⁴ Скарлыгина, „В зеркале трех эмиграций“ <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>

Эти писатели отличаются между собой, у них преобладает жанровая разновидность: каждый писатель имеет свои темы и литературные приемы.⁵⁵ Они развивались в неофициальной среде, „от московских *смогистов* до ленинградского андеграунда“⁵⁶. С ними начался период литературного постмодернизма в русском обществе, отечественном и эмигрантском. Советские образы жизни заменили западные, а влияние Запада можно встретить не только в используемой лексике и синтаксисе, но и художественных приемах. Некоторые писатели оставались верным реализму и классическим образцам, а другие находили вдохновение в современном обществе. Первую группу писателей возглавлял А. Солженицын, а другую А. Синявский. По более традиционной линии еще писали Г. Владимов, В. Некрасов, Ф. Горенштейн, В. Максимов, А. Зиновьев. В другую, более разнообразную группу входят: В. Аксенов, В. Войнович, Ю. Алешковский, Ю. Мамлеев. К ним можно присоединить литературную деятельность И. Бродского, С. Довлатова, А. Галича, Н. Коржавина, С. Соколова, Э. Лимонова и многих других.

Что касается взаимоотношений младших писателей с их старшими коллегами на Западе, нетерпимость между ними со временем росла, и им не удалось найти общий язык. Мироззрение двух поколений создавалось в различных обстоятельствах, и время было другое. Их связывала только критика советской системы, но и такое направление полностью не совпадало. Младшие писатели считали себя настоящим продуктом коммунистического режима, чьи недостатки только они в полной мере видели и могли критиковать. Они убедились, что система не функционирует, не зная из первых рук, как было в досоветское время.

Уникальность нашей эмиграции заключалась в том, что мы несли с собой огромный опыт, почти незнакомый первым двум волнам. В отличие от них мы прибыли в Америку полномочными представителями советской цивилизации в ее самом ярком, характерном и концентрированном проявлении. В результате нам не о чем было говорить со старой эмиграцией.⁵⁷

Во время их эмиграции они думали, что СССР будет существовать всегда, никто не видел его конца.⁵⁸ Именно поэтому они не думали об уничтожении системы, а об ее коренном изменении, что старшему поколению было чуждо. И язык был другим. В советской среде постсталинского времени развился новый образ жизни и общения

---

⁵⁵ См. подробнее: А.И. Смиронова, ред., *Литература русского зарубежья (1920—1990): Учебное пособие, 2-е издание, стереотипное* (Москва: Издательство Флинта, 2012): 445.

⁵⁶ Скарлыгина, „В зеркале трех эмиграций“ <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>

⁵⁷ Александр Генис, *Довлатов и окрестности (филологический роман)* (Москва: Вагриус, 2001): 77.

⁵⁸ Интересным исключением является „пророческая“ книга-эссе Андрея Амальрика *Просуществоет ли Советский Союз до 1984 года?*, также распространявшаяся в самиздате.

между людьми, которые искали разного рода лазейки, чтобы облегчить себе жизнь. Это хорошо видим в неофициальной культурной среде и поведении и отражении ее участников. Конфликты между писателями в немало случаев были открытыми. Так, Довлатов спорил с Андреем Седых, Э. Лимонов с *Новым русским словом*, т. е. тем же редактором, В. Максимов с Сашей Соколовым и Э. Лимоновым.⁵⁹

Эмигрировавшие писатели и журналисты третьей волны на Западе (прежде всего, имеется в виду США) занимались разными делами, часто не связанными с их профессией, о чем с шутливым тоном пишет и А. Генис:

Лимонов пошел в официанты. Спортивный журналист Алексей Орлов присматривал за лабораторными кроликами. Публицист Гриша Рыскин стал массажистом. Хуже других пришлось автору детективных романов Незнанскому. На фабрике, где он служил уборщиком, стали довольно грубо изыматься над мягким и симпатичным Фридрихом, когда узнали, что он из юристов — им в Америке так завидуют, что терпеть не могут. Соавтор Незнанского Эдуард Тополь начинал по-другому. Заявив, что не собирается путаться с эмигрантским гетто, он приехал в Америку с готовым сценарием. Первая фраза звучала эффектно: “Голая Сарра лежала на диване”. Вскоре Тополь выучился на таксиста. Сергей [Довлатов], кстати, разбирался в пишущих машинках. Он даже собирался заняться их починкой. Эту весьма экзотическую деятельность он выбрал как наиболее тесно связанную с литературой. Выяснилось, однако, что в Америке машинки не чинят. Тут и ботинки-то отремонтировать негде. Тогда Сергей записался на курсы ювелиров — он умел рисовать и обожал безделушки.⁶⁰

Но значительному числу выдающихся писателей дали возможность работать для русскоязычных газет, издательств и радио. Хотя в русских службах *Би-би-си*, *Немецкой волны*, *Голоса Америки* работали русские эмигранты, это было несопоставимо с числом русских, работающих на *Радио Свобода*. Именно поэтому писателей третьей волны и их произведения часто связывают с этим радио, о чем будет речь в одной из следующих глав.

[П]редставителям [третьей волны] удалось немало сделать как в литературе, так и в журналистике, в искусстве, в развитии общественной мысли. С середины 1970-х по начало 1980-х третья эмиграция набиралась опыта, сил, авторитета, создавала свои издательства и органы печати, утверждалась на университетских кафедрах. О ней все больше писали и говорили, с ней уже нельзя было не считаться. Звездным часом третьей эмиграции можно считать присуждение Иосифу Бродскому Нобелевской премии по литературе (...).⁶¹

---

⁵⁹ Скарлыгина, „В зеркале трех эмиграций“ <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>.

⁶⁰ Генис, *Довлатов и окрестности*, 51.

⁶¹ Скарлыгина, „В зеркале трех эмиграций“ <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>

5. Социокультурный феномен Самиздата

5.1. Положение самиздата в теории

Хотя слово самиздат не является составляющей больших толковых словарей, оно больше полвека известно во всем мире, и входит в ряд самых популярных культурных феноменов СССР.

Можно выделить два больших направления в исследовании Самиздата: политическое и неполитическое, т. е. культурное. Внутри культурного самиздата мы можем выделить несколько его подтипов, т.е. подразделений (литературный, философский, религиозный и др.).

Самиздат не единственное и не однозначное явление. Самиздат (культурного направления) является частью более широкого феномена, известного нам как неофициальное культурное движение, или просто неофициальная культура. Изначально эта синтагма обозначала в первую очередь литературную деятельность в постсталинское время. Сегодня под общий знаменатель можно поставить и диссидентское и правозащитное движение, хотя они в своей сути политически направлены, и в конце, деятельность западного радио, которое вещало на СССР обо всем вышесказанном.

Свидетельства А. Даниэля и Л. Алексеевой говорят подробнее о возникновении настоящего советского самиздата (не ранее 1950 гг.). Люди начали писать именно для самиздата, почти не было желаний официально опубликоваться, потому что знали, что цензура будет резкой.⁶² Уже десять лет после того, как слово *самиздат* вошло в обиход, его начали писать с заглавной буквой (первый это применял А. Даниэль). Это означало, что Самиздат стал истеблишментом неофициальных кружков, являющийся частью того, что теоретики позже стали называть *второй культурой*⁶³.

---

⁶² Пятковский, „Очерк истории самиздата“ (искать под: „писать в самиздат“) (<http://gefter.ru/archive/5757>).

⁶³ Неофициальными назывались все виды деятельности, запрещенные советской властью. В отличие от неофициальной культуры, более обобщенного понятия, синтагма *вторая культура (литература)* относилась вначале к явлению, характерному для Ленинградских подпольных культурных кружков (1960 гг.), среди которых распространялись неподцензурные тексты литературного, философского и религиозного направления. В Москве с половины 1960 преобладали неофициальные тексты политического, антисоветского направления, которые стали главным оружием диссидентского и/или правозащитного движения. Со второй половины 1970 годов разницы в подпольной деятельности Москвы и Ленинграда почти больше не было. В обоих городах распространялись все виды текстов, печатались журналы разнообразной тематики, организовались семинары, музыкальные вечера, художественные выставки. С тех времен и до конца 1980-х *вторая* и *неофициальная культура* стали синонимами, охватывающими все перечисленные явления. См. подробнее: Савицкий. *Андеграунд*.

Чтобы понять самиздат в более широком смысле, нужно смотреть на него не как на феномен национального характера, существующий в коммунистических странах, а как на интернациональный феномен, характерный для обеих сторон Железного занавеса в период холодной войны. Такой взгляд представляет Ф. Кинд-Ковач в своих научных работах на тему самиздата и общества позднего социализма. Таким образом, Самиздат стал „социально-культурной институцией“⁶⁴. С сегодняшней точки зрения и Самиздат, и вся неофициальная среда считаются неотделимыми культурными явлениями позднего Советского периода, т. е. периода холодной войны. Они вместе были главным способом мировой коммуникации в период, когда ее нельзя было установить открытым, легальным путем.⁶⁵

5.2. Этапы развития самиздата

Что касается периодизации самиздата, есть несколько различающихся друг от друга мнений. Пятковский приводит четыре этапа исторического развития самиздата: начало (середина 1950-х – середина 1960-х), период развитого самиздата (середина 1960-х – середина 1970-х), закат самиздата (середина 1970-х–1986 г.) и его конец в эпоху перестройки (1987–1990).⁶⁶

Для нас интересной является третий этап развития самиздата, т. е. мы будем обсуждать период его заката, или, может быть, наоборот – его расцвета. В пользу последнего говорит факт, что в те самые годы мы сталкиваемся с масштабным распространением самиздатских журналов и текстов, пропагандирующих открытую активность за права человека, потом тамиздата, и наконец, со значительным влиянием западного радио. В общем, теоретики согласны (Алексеева, Даниэль), что в эти годы самиздат не исчез, а изменил свою первоначальную дефиницию, и стал более сложным явлением, чья деятельность больше не связывалась только с машинописной продукцией, а литературные произведения стали лишь одной его составляющей.

В отличие от Даниэля, Дж. Х. Скиллинг выделяет три фазы развития самиздата по типу преобладающих текстов в определенной фазе: во-первых, литературный самиздат, во-вторых, социальный самиздат и третья фаза, в которой соединились

---

⁶⁴ Даниэль, „Истоки и смысл советского самиздата“, 20.

⁶⁵ См. подробнее: Komaromi „The Unofficial Field of Late Soviet Culture“, 628.

⁶⁶ Пятковский, „Очерк истории самиздата“ (искать под: „периодизация самиздата“) (<http://gefter.ru/archive/5757>).

разные культурно-общественные программы под одним названием – Самиздат.⁶⁷ Третья фаза соответствует интересным нам 1970–1980 гг. Скиллинг рассматривает самиздат как уникальный феномен, существующий за Железным занавесом, а третью его фазу, как слияние всех видов независимой, неофициальной деятельности. В отличие от А. Даниэля, Скиллинг связывает тамиздат с самиздатом, считая, что они неразделимы в своем существовании.⁶⁸

5.3. История развития самиздата

Есть разные мнения по поводу исторического развития и распространения самиздата. Теоретики полемируют о том, когда началось формирование подпольного распространения запрещенных властью книг и текстов, и когда оно стало развитой сетью обмена изданиями и информацией. Сегодня внешними границами периода существования самиздата считаются смерть Сталина и перестроечная эра Горбачева.

Можно сказать, что цензура в России существует, сколько и сама страна. По словам Вячеслава Долинина, „[н]еподконтрольное власти письменное слово появилось в России, вероятно, одновременно с письменностью“.⁶⁹ Хотя неподцензурные тексты распространялись еще в царские времена, термин самиздат относится именно к распространению официально запрещенных текстов в истории СССР после смерти Сталина, когда пишущие машинки стали широкодоступным товаром.⁷⁰ Самиздат, по словам А. Даниэля определяется как „специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде“.⁷¹

В контексте данной работы мы встречаем два варианта написания слова *самиздат*. В первом случае оно написано со строчной буквой, и тогда рассматриваем его как способ создания, перепечатывания и распространения неподцензурных текстов любой тематики (в данном контексте с акцентом на литературный самиздат).

Во втором случае, Самиздат пишем с заглавной буквой, и такое написание исторически обозначает эпоху в СССР после смерти Сталина, когда начал укрепляться

---

⁶⁷ Skilling, *Samizdat and an Independent Society*, 6-7.

⁶⁸ См. подробнее: Skilling, *Samizdat and an Independent Society*, 4-5.

⁶⁹ Долинин, „Преодоление немоты“, 7.

⁷⁰ Игрунов, *Антология самиздата. 1-ый том*, 12.

⁷¹ Даниэль, „Истоки и смысл советского самиздата“, 17.

и развиваться отдельный вид культуры, независимый от правил и законов советского истеблишмента. Со времен 1970-х оно стало институцией, *официально* учрежденной участниками неофициального культурного движения. Хотя определенные теоретики период второй половины 1970–1980 гг. считают закатом самиздата (А. Даниэль), это ни в коем случае не его смерть, а радикальное изменение.⁷² Что касается Самиздата, как институции неофициальной культуры, это его наиболее плодovitый и разнообразный период.

Если говорим о Самиздате как о культурно-общественном явлении, тогда в его рамки входят, кроме печатного самиздата, тамиздат и магнитиздат, а также все остальные виды неофициального обмена информацией.

Нам интересно развитие самиздата в период позднего социализма, в 1970–1980 гг., т.е. от брежневской эры до перестроечного горбачевского времени.

Первое упоминание слова *самиздат* связывается с московским поэтом Николаем Глазковым (1919–1979), который в течение 1940–1950 гг. сочинял стихи и сам готовил свои сборники, ставя на их обложки слово *самсебяиздат*⁷³. Понятие стало широко известным в начале 1960-х, с формированием неофициального культурного движения. Со временем это выражение стало популярным среди молодежи, которая начала употреблять сокращенное слово, и выражение *самсебяиздат* стало известным как *самиздат*⁷⁴. Оно придумано по аналогии со словами как на пример *Госиздат*⁷⁵, и одновременно частично пародирует официальные названия издательств с таким же окончанием.

В своем начале самиздат подразумевал машинописные тексты литературного направления, но с начала 1960-х в его рамки вошли тексты различной тематики (философские, религиозные, правозащитные), и разные виды их создания (фотокопии, ксерокс, фотографии, фото пленки).⁷⁶ Что касается тиража самиздата, он всегда был небольшим, особенно до фотокопирования и ксерокопирования.

---

⁷² По словам А. Даниэля, это конец перепечатывания текстов в пользу преобладания новых способов размножения текстов и тамиздата.

⁷³ Даниэль, „Истоки и смысл советского самиздата“, 18; А. Н. Федулов, „Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970-1980-е гг.“ Известия *Алтайского Государственного Университета* № 4-5 (2008): 219; Пятковский, „Очерк истории самиздата“ (искать под: „самсебяиздат“) (<http://gefter.ru/archive/5757>).

⁷⁴ Сокращенный вариант слова *самсебяиздат* был популярен среди литературной молодежи в начале 1960-х годов. Даниэль «Истоки и смысл советского самиздата», 18.

⁷⁵ *Политиздат, Госмедиздат, Воениздат, Атомиздат* и другие. См. Skilling, *Samizdat and an Independent Society*, 5.

⁷⁶ Федулов, „Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970-1980-е гг.“, 219; Алексеева, *История инакомыслия в СССР*, 214.

Произведения, распространявшиеся в форме самиздата, различаются между собой „по характеру содержания⁷⁷, источнику поступления⁷⁸, технике копирования⁷⁹ и способу распространения“.⁸⁰ Обычно перепечатывалось не менее трех или четырех экземпляров (на очень тонкой бумаге) и не больше двенадцати (в зависимости от качества чернила и бумаги), а потом они раздавались знакомым, которые, по собственному желанию, могли продолжить перепечатку.⁸¹

Хотя существовал рынок самиздата (с конца 1960-х), спрос на книги был большим, а предложение их разнообразное⁸², стоимость определенного экземпляра не превышала расходов на его распечатку. Все же некоторые произведения были дороже других, особенно тамиздатские выпуски. Такие книги достигали цены дефицитных товаров.⁸³

В период 1960–1980 гг. термин *самиздат* можно отнести ко всей печатной деятельности неофициальной, *второй* культуры, а прежде всего к литературе. Самиздат был главным достижением неофициальной культурно-общественной среды, формировавшейся во время хрущевской „оттепели“. Ключевым моментом в развитии самиздата считается доклад Хрущева на XX съезде КПСС, а также распространение стихотворения из *Доктора Живаго* Б. Пастернака.⁸⁴ Смягчение официальной политики привело к массовому распространению самиздатских текстов. В самом начале (1960-е) их массового распространения самые популярные из них связывались с жизнью в ссылке, точнее в Гулаге.⁸⁵ Это был расцвет лагерной и антисталинской литературы. Хотя культ Сталина в то же время был разоблачен Хрущевым, такую литературу никогда положительно не воспринимали в официальных кругах, потому что лагеря все еще существовали. Такое ограничивающее отношение Советской власти привело к продолжению развития параллельной культурной жизни.

---

⁷⁷ Стихи, проза, документальные тексты, философские и религиозные, критические очерки, многочисленные тексты правозащитного движения и многие другие.

⁷⁸ Раньше опубликованные, но недоступные книги, авторские рукописи. Иногда это были и магнитиздат и тамиздат, существовавшие и как отдельные явления.

⁷⁹ Переписывание от руки, машинопись, фотокопирование, ксерокопирование, электронные печатающие устройства (компьютеры, принтеры).

⁸⁰ Пятковский, „Очерк истории самиздата“ (искать под: „типологизация самиздата“) (<http://gefter.ru/archive/5757>).

⁸¹ Алексеева, *История инакомыслия в СССР*, 210.

⁸² "Рынок был широк и разветвлен. И на этом подпольном рынке при желании купить можно было все — от первого издания "Евгения Онегина" до последних (зарубежных) изданий Саши Соколова и Эдички Лимонова". Пятковский, „Очерк истории самиздата“ (искать под: „рынок“) (<http://gefter.ru/archive/5757>).

⁸³ Федулов, „Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970-1980-е гг.“, 221.

⁸⁴ Игрунов, *Антология самиздата. 1-ый том*, 12.

⁸⁵ Долинин, „Преодоление немоты“, 12.

Молодежь тоже приняла участие в таком движении и начала публиковать вузовский самиздат⁸⁶ (в него были включены разные интересы, от поэзии до проблем студенческой жизни), и все больше интересоваться западными образами жизни и культурой, с которыми они были только частично знакомы. В первые годы масштабного распространения самиздата преобладали литературные тексты советских писателей. Первыми экземплярами были стихи репрессированных во время Сталина поэтов (А. Ахматова, М. Цветаева, О. Мандельштам, Л. Гумилев)⁸⁷. Потом начала печататься проза, эссе, доклады. Пока в Ленинграде в центре внимания был литературный самиздат, в Москве распространялся самиздат на темы правозащитного движения – печатались многочисленные статьи на тему прав человека и отношения власти к инакомыслящим, обсуждались антисоветские взгляды, но печатались также и научные работы (Лев Гумилев, Андрей Сахаров).

Позже, в период 1970–1980-х, писатели прибегали к зарубежному опубликованию, а их произведения возвращались в СССР в форме *тамиздата*. Цель интеллигенции третьей волны была не только опубликоваться на Западе, но и ознакомить своих соотечественников со своими и произведениями других популярных писателей, и в более широком контексте – открыто говорить о запрещенных темах. Им это удалось благодаря *тамиздату*, который втайне импортировали и распространяли дипломаты и иностранцы.

В эти годы также распространялись переводы иностранной литературы, которая повлияла на формирование новых поколений писателей и читателей. Переводились Хемингуэй, Кафка, Фолкнер, Камю, Сэлинджер и многие другие, Орвелл.⁸⁸ Для этого времени в СССР характерно появление большого числа самиздатских журналов разной тематики (*Хроника текущих событий*, *37*, *Часы*, *Обводный канал*, *Сумма*) и остальных групповых изданий. В 1978 году среди неформалов установлена литературная премия *Андрей Белый*, которая вручается до сих пор.⁸⁹

В таком большом числе циркулирующих текстов оказались и тексты, выпущенные КГБ в обращение. Поэтому вместе со способами распространения самиздата развивались способы ограждения от ложных, враждебных текстов. Распространители самиздата были осторожными, а вновь созданные архивы самиздата,

---

⁸⁶ Долинин, „Преодоление немоты“, 13.

⁸⁷ Алексеева, *История инакомыслия в СССР*, 210.

⁸⁸ Долинин, „Преодоление немоты“, 36.

⁸⁹ Там же, 33.

как, например, Архив самиздата Радио Свободы, наняли ряд экспертов, которые разбирались в подлинности поступающих на радио текстов.

5.4. Тамиздат, магнитиздат

По словам Даниэля, 1970-х Самиздат стал неконкурентоспособен из-за потока тамиздата.⁹⁰ Это, по мнению некоторых теоретиков, привело к концу самиздатскую деятельность. Учитывая факт, что тамиздат не существовал бы без лишь одного примера самиздата, это явление узко связано с самиздатом, входит в его рамки как отдельная, но не вполне независимая часть. Поэтому нельзя говорить о закате одного и рождении другого феномена, а об их резком изменении и культурном обобщении.

Слово *тамиздат* создано по аналогии со словом *самиздат*. Его можно отнести к текстам разного вида, опубликованным на Западе и распространявшимся в СССР. Важно подчеркнуть, что книги в форме тамиздата, т.е. поступившие в СССР с Запада, существовали в период Сталина (после Великой Отечественной войны), о чем свидетельствуют А. Есенин-Вольпин, но их число было незначительным в сравнении с последующим потоком.⁹¹ Хотя А. Даниэль считает, что тамиздат „официально“ появился в середине 1950-х⁹², возможности обмена текстами в более значительном объеме не было до 1970-х, когда коммуникация с представителями западных стран стала проще.⁹³ В таком обмене больше всех участвовали дипломаты и ученые.

Самое важное издательство литературного *тамиздата* было *Ардис*⁹⁴. Кроме Ардиса, массовый выпуск книг приписывался старейшему издательству *Посев* (которое сотрудничало с Народно-трудовым союзом), потом более новым издательствам как *Эрмитаж*⁹⁵, *Беседа*.⁹⁶ Деятельность независимых издательств русской литературы не до конца выяснена. Их число было немалое, а интерес к распространению литературы, недоступной в СССР, был большим. Именно поэтому некоторые исследователи

---

⁹⁰ Даниэль, „Истоки и смысл советского самиздата“, 28.

⁹¹ Пятковский, „Очерк истории самиздата“ (искать под: „тамиздат“) (<http://gefter.ru/archive/5757>).

⁹² Даниэль, „Истоки и смысл советского самиздата“, 28.

⁹³ Федулов, „Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970-1980-е гг.“, 221.

⁹⁴ Издательство создано Карлом и Еллендеей Проффер, американскими славистами, занимающимися русской модернистской литературой. Они начали публиковать факсимиле русской модернистской литературы (Блок, Ахматова, Гумилев, Мандельштам, Набоков), а также и авторов третьей волны, как например С. Довлатова, С. Соколова и Иосифа Бродского, который очень ценил деятельность и энтузиазм скромного издательства.

⁹⁵ Его основали Игорь Ефимов с женой. Они выпускали более современную прозу и стихи: Довлатов, Бродский, Лев Лосев и другие.

⁹⁶ См. подробнее о зарубежных издательствах: Долинин, „Преодоление немоты“, 42; Komaromi „Samizdat as Extra-Gutenberg Phenomenon“, 644.

культурной коммуникации во время холодной войны считают, что финансирование таких издательств часто шло через ЦРУ.⁹⁷ Неофициальные данные показывают, что в форме тамиздата при помощи разных западных дипломатов, ученых, журналистов и других энтузиастов в СССР втайне ввезено больше несколько сотен тысяч изданий.⁹⁸ Параллельно с рынком самиздата, существовал и рынок тамиздата, чьи цены были выше.⁹⁹

Кроме книг, за рубежом издавались и эмигрантские журналы (*Синтаксис*, *Третья волна*, *Время и мы*, *Грани*, *Новый журнал*, *Новый Американец*, *Новое русское слово*, *Вестник РХД*).¹⁰⁰ В СССР они распространялись либо в оригинальном виде, либо в форме самиздата (т.е. перепечатывались).¹⁰¹ Кроме уже упомянутого случая Пастернака, А. Синявского и Ю. Даниэля, первыми авторами в форме тамиздата были А. Есенин-Вольпин, М. Нарница, Е. Евтушенко, В. Тарсис.¹⁰²

И тамиздат стал своего рода институцией, которая была на службе западной дипломатии. В более широком контексте тамиздатом можно считать и деятельность западных радио. Конкретно, самиздатские тексты, которые приходили в редакцию и отделения *Радио Свободы*, потом прозвучали по радио в одной из многочисленных передач, посвященных самиздату, о чем будет речь в одной из следующих глав.

Что касается магнитиздата, такое явление характерно для распространения официально запрещенной музыки, а в меньшей мере для распространения текстов. Сам термин создан по аналогии с самиздатом и тамиздатом. Во второй половине 1950-х на рынке появился недорогой магнитофон, с помощью которого записывались, а потом и распространялись съемки авторских песен русских бардов: Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Александра Галича. С помощью таких пленок с их музыкой и стихами ознакомились немалое число людей. Кроме русских авторов, на пленки

---

⁹⁷ Некоторые считают, что опубликование *Доктора Живаго* также обеспечило ЦРУ. Это означало бы, что связь между культурной и политической дипломатиями сильнее, чем кажется. См. подробнее: Kind-Kovacs, *Samizdat, Tamizdat and Beyond*, 46.

⁹⁸ С 1956 по 1993 год по инициативе ЦРУ с Запада в Восточную Европу и СССР было направлено около 100 миллионов книг и периодических изданий. Издательство *Bedford*, финансируемое через ЦРУ, регулярно отправляло литературные произведения в СССР. Peter Steiner, „On Samizdat, Tamizdat, Magnitizdat, and Other Strange Words That Are Difficult to Pronounce“ *Poetics Today* Vol. 29, No. 4 (Winter, 2008): 616; Сосин, *Искры Свободы*, 221.

⁹⁹ Игрунов, *Антология самиздата. 1-ый том*, 14.

¹⁰⁰ Федулов, „Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970-1980-е гг.“, 221.

¹⁰¹ В пример опять возьмем *Доктора Живаго* Бориса Пастернака, который был опубликован на Западе, а потом вернулся обратно в СССР в форме тамиздата, на основе которого создавались (фото)копии.

¹⁰² Даниэль, „Истоки и смысл советского самиздата“, 28.

записывали и иностранную современную музыку, прежде всего рок и джаз, которую возможно было услышать благодаря вещанию западных авторов.¹⁰³

Увидев, что такой способ распространения музыки функционирует, с 1970-х на пленки начали записывать литературные произведения, услышанные также в передачах западных радио. Записывались стихи И. Бродского или поэма *Москва-Петушки* В. Ерофеева, потом *Архипелаг ГУЛАГ* и многие другие.¹⁰⁴ Иногда определенное произведение на пленке перепечатывали и распространяли в печатном варианте.

Хотя у каждого термина своя дефиниция, самиздат, тамиздат и магнитиздат являются тесно связанными терминами, чьи границы иногда трудно определить, именно потому, что их деятельность частично совпадает друг с другом. Все они вместе являются составляющими неофициального движения или второй культуры, обработанной в данном контексте.

5.5. Самиздат и современные теории литературы и коммуникации

Самиздат действительно был инструментом коммуникации *второй культуры*, тогда писали в самиздат, как раньше в стол.¹⁰⁵

Самиздат, как нелегальная деятельность, всегда заключал дозу опасности, что, в определенной мере, привлекало людей к чтению и распространению таких текстов. Фактически дошло до того уровня, что легально опубликованные тексты почти не читались. Если не самиздат, не стоит читать. Такое отношение привело к созданию советских шуток на счет самиздата.¹⁰⁶

Феномен самиздата породил нового читателя, синтагму, которую в обиход ввел Ролан Барт. В случае СССР читатель сам искал того, чего ему хотелось читать, почти не уделяя внимание официальным публикациям, даже если они неплохого (литературного) качества. С другой стороны, авторы „стремились выйти к читателю, считая свое творчество художественно и социально значимым“¹⁰⁷. Текст, однажды

---

¹⁰³ Из-за отсутствия пленок, не редко для распространения музыки пользовались пленками, сделанными из рентгеновских съемок. Поэтому такая музыка стала известной как „музыка на костях“. См. Alexei Yurchak, *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation* (Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2005):Rock on Bones.

¹⁰⁴ Пятковский, „Очерк истории самиздата“ (искать под: „магнитиздат“) (<http://gefter.ru/archive/5757>).

¹⁰⁵ Даниэль, „Истоки и смысл советского самиздата“, 19-20.

¹⁰⁶ Бабушка, которая переписывает Анну Каренину в форме самиздата для своей внучки, которая читает только самиздат.

¹⁰⁷ Долинин, „Преодоление немоты“, 15.

выпущенный в самиздат, получает собственные правила распространения, независимо от желаний автора. Его судьба зависит от критериев читательской среды. Таким образом, некоторые тексты стали известными, а некоторые совсем исчезли. Но сам текст, циркулирующий в рамках самиздата, не был фиксирован, пока не дошел до западных читателей, точнее издательств. В том и состоит фетишизация самиздата: читатель, а прежде всего распространитель самиздата, имеет власть над текстом. Из-за этого существовали версии различной длины самиздатских текстов, опущенные или измененные отрывки, опечатки в копировании, которые иногда меняли смысл предложения. С точки зрения теоретиков самиздата и неофициальной культуры, параллельно с самиздатом развивалась графомания между участниками такого явления.¹⁰⁸ С другой стороны, люди принимали самиздат как вид обмена текстами, опытами, подарком, в конце концов.¹⁰⁹ Теоретик А. Комароми в этом находит важность самиздата для (советского) общества.

Значение самиздата состояло в том, что благодаря его существованию сохранилась культурная и литературная традиция (русского) народа. Он развивался до такой меры, что вовлек в свои рамки в начале несовместимые части культурно-общественной жизни.

6. Западное радио как продолжение самиздатской деятельности

6.1. Вражеские голоса в СССР

До распада СССР СМИ были полностью регулированы от стороны партии, без какой бы то ни было возможности самостоятельно принимать решения и писать или говорить на любую тему. С приходом Горбачева на власть (1985 г.) началось медленное открытие Железного занавеса, а тем самым и более свободный поток информации с Запада в СССР. Что касается радиовещания западного радио, глушение их частот смягчилось, особенно ночью, благодаря чему большое число граждан могло ознакомиться с их деятельностью.

Это также обозначало и улучшение обстоятельств в сфере журналистики и остальных средствах массовой информации. Началась более открытая коммуникация и

---

¹⁰⁸ Подробнее о том в: А. Комароми, „Samizdat as Extra-Gutenberg Phenomenon“, 644.

¹⁰⁹ Там же, 656-657.

обмен информации с западными сотрудниками, газетами, радио, хотя советская власть все еще не допускала писать и вещать о темах, деликатных для истеблишмента.¹¹⁰

До 1983 года, с периодическими прекращением, под глушением были почти все западные радиостанции, особенно те, в фокусе которых была антисоветская пропаганда, что не шло в пользу коммунистической власти. С 1973 по 1980 год *Би-би-си* и *Голос Америки* не глушили благодаря разрядке международной напряженности, но после сопротивления польского движения *Солидарность* и их начали глушить до 1987 года.¹¹¹ После снятия запретов свободно вещали *Голос Америки*, Русская служба *Би-би-си*, *Радио Ватикан*, *Радио Канада*, но не *Немецкая волна* и *Радио Свобода*, которую непрерывно глушили с 1953 по 1988 год. Во всех областях СССР, особенно в больших городах, проводилось повышенное глушение, из-за которого слушатели не получали чистый сигнал коротковолнового вещания. Затраты советского правительства на глушение западных радиостанций в несколько раз превышали затраты западных радио на вещание в Восточную Европу, особенно на СССР.¹¹² Если это не были наземные виды глушения, борьба велась на волнах в высоких слоях атмосферы.¹¹³ В то же время граждане вели собственную борьбу с глушением, пытаясь найти новые способы прослушивания западного радио.¹¹⁴

С технологической точки зрения коротковолновое радио стало более доступным с конца 1950-х. В последующий период оно технологически развивалось, а с развитием вводились и официальные ограничения в их пользовании. Так, например, советский транзистор, единственный на рынке СССР, был гораздо хуже иномарки, он не поддерживал частоты, на которых вещали западные „голоса“. Что касается аудитории, было принято, даже модно, слушать западное радио, особенно если человек хотел принять „интернациональный взгляд на мир“.¹¹⁵

Поэтому радио считается неотделимой частью неофициальной коммуникации, т.е. Самиздата в более широком смысле. Это не только способ влияния западных

---

¹¹⁰ Подробнее об акте, принятом в 1985 году в: K. R. M. Short, ed., *Western Broadcasting over the Iron Curtain* (London-Sydney: Croom Helm, 1986): 2.

¹¹¹ Сосин, *Искры Свободы*, 136.

¹¹² Утраты превышали 150 миллионов долларов в год только на глушение.

¹¹³ О типах глушения подробно писал Римантас Плейкис в статье „Радиоцензура» <http://www.radiojamming.info/>

¹¹⁴ Иногда просто уезжали за город, где вещание было слышно. Те, у которых было коротковолновое радио, совершенствовали свои приемники разными способами.

¹¹⁵ Alexei Yurchak, *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation* (Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2005): Shortwave Radio.

политиков и дипломатов на советское общество, а феномен, который выходит далеко за пределы первоначальной идеи.

Основы иностранного радиовещания положило правительство СССР, создав в 1929 году *Московское радио* (позже *Голос России*), которое вещало на английском и немецком языках.¹¹⁶ Вместе с этим началось и глушение определенных радиостанций европейских стран. Зарубежное вещание на СССР, преимущественно антисоветского направления, началось после окончания Отечественной войны. Проект не развернулся бы без помощи беженцев из СССР, которые влились в западные антисоветские организации – от газет до радио, которое было само влиятельное средство (анти)пропаганды в это время. Русские эмигранты, несмотря на свою профессию, были важны не только ради знания языка, но и потому, что успешно изображали советским гражданам непонятные образы жизни, и давали более объективную информацию о советской и западной повседневности:

Вместе, они стремятся создать не американское радио, в более узком национальном смысле, и не радио изгнанных, в смысле организованной политической оппозиции, а интернациональное радио.¹¹⁷

Поэтому зарубежное радио, особенно *Радио Свобода*, в то же время является интернациональным и окрестным: оно „сфокусировано на интересы своих слушателей“, и в данном контексте – на граждан СССР.¹¹⁸

На деятельность западных радио всегда смотрели с подозрением. Советское общество, особенно жесткие критики западной политики, считали, что это вид западной разведки с целью призыва к действию против коммунизма. В определенной мере разведочные структуры повлияли на деятельность радио, в этом смысле опять выделяется деятельность *Радио Свободы*, чье финансирование шло через ЦРУ, особенно в первые годы его существования. Позже ЦРУ только обеспечивало РСЕ/РС деньгами, но не вмешивалось во внутренние решения радио.

Опросы, проведенные среди советских туристов с 1970 по 1991 год, показывают, что определенное радио было популярно среди определенного возраста слушателей. Опросы также показали, что западные голоса в эти годы слушало процентов 30

---

¹¹⁶Википедия: „Иностранное радиовещание на территорию СССР“ (искать под: „Голос России“). https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0_%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8E_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0 (01/07/2015).

¹¹⁷ Short, *Western Broadcasting over the Iron Curtain*, 85.

¹¹⁸ Там же, 85.

взрослого населения СССР, большинство в крупных городах (Москва и Ленинград). *Голос Америки* чаще слушала молодежь, потому что западной музыки было больше, чем на РС.¹¹⁹ Русская служба *Би-би-си* была популярна среди всех возрастов, а это радио ценили за него объективность и точность. В это время появилось популярное выражение „Есть обычай на Руси, ночью слушать *Би-би-си*“.¹²⁰ РС слушало население среднего и старшего возраста, советские либералы, диссиденты, для которых особенно интересны были передачи правозащитной тематики.

Сосредоточенность радио на культурно-литературных темах не появилась сразу, а после того, как Запад познакомился с самиздатом и неофициальной деятельностью русской интеллигенции. В этом контексте важной является Русская служба РС, а также и остальных станций (*Би-би-си*, *Голос Америки*). *Би-би-си* и *Голос Америки* меньше глушили, они были слышны почти без каких-либо помех, из-за чего число их слушателей постоянно увеличивалось. С другой стороны, и *Би-би-си* и *Голос Америки* пропагандировали западный образ жизни как лучший, в то время, как РС давало поддержку советским гражданам, чтобы поднять голос против гнета правящей системы. РС пыталась приспособиться к обстоятельствам в СССР, что видим по числу, качеству и содержанию их передач. Чтобы показать нейтральные и объективные отношения РС и приобрести доверие слушателей, обсуждались и негативные стороны жизни на Западе.¹²¹

Мы считали, помимо всего, что в радиопередачах важно избегать полемики с советским режимом. Лучше сообщать побольше фактов и прочих сведений, приветствуя все положительное, что делается в стране для улучшения жизни народа.¹²²

Хотя постоянно глушили РС, станция была слышна, особенно ночью, а число минут, посвященные вещанию на культурные и политические темы в СССР, в несколько раз превышало все другие радиостанции. Русская служба РС была самой большой, и в ней работали самые известные писатели и диссиденты, из-за чего в данном контексте упор сделан именно на деятельность РС.

Голос Америки в своем вещании имел важные литературно-художественные передачи, также как и *Би-би-си*. Почти все они в своих передачах на литературную тематику читали самое известное в это время произведение – *Архипелаг ГУЛАГ*, а после эмиграции Солженицына на Запад, часто интервьюировали его лично. Писатели обсуждали в таких передачах не только свои произведения, но и говорили о проблемах

---

¹¹⁹ В этом контексте запомнятся музыкальные передачи Уилиса Коновера.

¹²⁰ Johnson, *Cold War Broadcasting*, 294.

¹²¹ Сосин, *Искры Свободы*, 41.

¹²² Там же, 53.

на злобу дня, часто с подчеркнуто политическим тоном. Но самые интересные были те передачи, которые передавали информацию о недоступной литературе, современной музыке (джаз и рок) и искусстве. В этом западные дипломаты видели не только способ сохранения и популяризации культурной деятельности, которая в это время находилась под сильным контролем госаппарата, но и своего рода диверсию, способ привлечения новой аудитории.

Более высокий подход в вещании РС позже заменила тематическая разновидность общественно-культурной программы. С половины 1970-х аудитория РС начала все больше следить за передачами литературного характера (литературный самиздат и тамиздат), особенно после чтения *Архипелага ГУЛАГ-а* А. Солженицына. Популярность РС достигла пика в 1980 годы. Публика более серьезно относилась к передачам РС, особенно к имеющим политическую основу, желая узнать больше о реальной ситуации в стране и за ее пределами (напр. война в Афганистане, Чернобыль, крушение корейского самолета в 1983 году и другие новости, о которых советские СМИ не писали).

6.2. Радио Свобода – история и развитие

История РС может служить в качестве сценария приключенческое кино: (контр)разведка, скрытая борьба ЦРУ и КГБ, инфильтрация агентов КГБ, медиатор между Западом и Востоком в период международной напряженности.

В списке своих задач, РС приводит и следующее:
вещать и анализировать документы и произведения политической важности и/или культурных заслуг, которые созданы гражданами СССР или Восточной Европы, но которые не предназначены для официального публикации цензурой.¹²³

Радио Свобода учреждено в 1951 году Американским Комитетом по освобождению народов Советского Союза от большевизма (Амкомлиб), чье управление считало, что деятельность сестринской радиостанции, *Радио Свободная Европа*, является хорошим невоенным способом борьбы против коммунизма. Поэтому Амкомлиб решил создать новую станцию, которая вещала бы именно на СССР. Первое вещание произошло за четыре дня до смерти Сталина, 1 марта 1953 года, тогда под названием *Радио Освобождение от большевизма*¹²⁴. Но сразу после начала вещания, 10

---

¹²³ Short, *Western Broadcasting over the Iron Curtain*, 86.

¹²⁴ В 1956 году РС переименовано в *Радио Освобождение*, а потом в 1959 в *Радио Свобода*, название, существующее до сих пор. В 1964 учрежден Комитет РС, что было своего рода подтверждением

минут спустя, началось глушение РС, которое длилось непрерывно до 1988 года.¹²⁵ С самого начала РС было организовано по национальным службам, а каждая вещала для определенной страны или этнической группы в СССР (Татарская служба, Украинская, Казахская службы и др.).

Радиопередатчики РС находились в Испании¹²⁶, а штаб-квартира в Мюнхене.¹²⁷ Важное для нас отделение РС находилось в Нью-Йорке, потому что там, в составе Русской службы РС, работали лучшие писатели третьей волны эмиграции. Кроме Нью-Йорка, филиалы РС находились еще в Риме, Париже, Лондоне.

В Мюнхене администрация и радиоведущие фокусировались на собрание политического и правозащитного самиздата, благодаря чему сегодня хранятся тысячи таких документов, на основе которых несколько позже учрежден и самый большой в мире архив общественно-политического самиздата.

В Нью-Йорке и других городах, где жили и действовали сотрудники РС, упор поставлен на создание передач на темы, охватывающие все виды „духовной“ жизни (русского) человека. Первые передачи нью-йоркского отдела РС касались общих тем, от политики до бытовых проблем, и тон не был таким официальным, а более привлекательным.¹²⁸

Способ финансирования деятельности РС (и сестринской радиостанции *Радио Свободная Европа*), был секретным до 1967 года, когда обнаружилось, что деньги все время полностью обеспечивал Конгресс США через ЦРУ, а не гуманитарные доходы, частные дотации и общественные деятели.¹²⁹ Но сами сотрудники все время были знакомы с этим фактом. После этого открытия общественное мнение, по обеим сторонам железного занавеса, повернулось не в пользу дальнейшей работы РСЕ и РС. Это вызвало турбулентные события в уже напряженной политической ситуации холодной войны, из-за чего определенные сенаторы¹³⁰ хотели положить конец деятельности этих двух радио, но им это не удалось, и радио продолжило свою задачу. Американский Конгресс в 1976 году принял решение, что продолжит финансирование

важности РС в него деятельности. См. Richard H. Cummings, *Cold War Radio. The Dangerous History of American Broadcasting in Europe, 1950-1989*. (Jefferson, North Carolina and London: McFarland and Company, Inc., Publishers, 2009): 27; Johnson, *Cold War Broadcasting*, 22.

¹²⁵ Cummings, *Cold War Radio*, 27.

¹²⁶ Потому что отсюда радиочастоты легче эмитировались в СССР. Они находились там до 2001 года.

¹²⁷ Штаб-квартира была там до 1995 года, после чего управление РС переехало в Прагу.

¹²⁸ Сосин, *Искры Свободы*, 93.

¹²⁹ С другой стороны, ЦРУ только обеспечивало деньги, но радио полностью работало вне его авторитета, что в определенном моменте стало проблемой для ЦРУ.

¹³⁰ Клиффорд Кейс и Уильям Фулбрайт.

радиостанций, и что две отдельные радиостанции станут одной – РСЕ/РС.¹³¹ Учрежден и специальный Комитет¹³², который принимал решения, относящиеся к деятельности РСЕ/РС, вполне независимо от Конгресса. ЦРУ больше не имело никакой связи с РСЕ/РС, хотя их вмешательство в деятельность радио не было отмечено с 1960-х.

Хотя РС ограждалась от обвинений, что работает специально в пользу США, их начальная цель базировалась на антикоммунистической борьбе. Вышеупомянутый Амкомлиб относился к РС как к хорошо предназначенному проекту, чья основная цель была добиться доверия советского общества. Амкомлиб видел в советских эмигрантах решение: они образовывали основу деятельности радио и проводили западную и антисоветскую пропаганду.

Со временем контекст деятельности радио изменился: отмечается отход от агрессивной антипропаганды, которая заменена более дружеским, просвещенным подходом всех служб РСЕ/РС. Радио приобрело почти полную свободу, и на первое место поставлено благополучие слушателей, без подчеркнутых политических намеков. Что касается Русской службы РС, темы создавались в соответствии с ситуацией в СССР и тем, о чем писали в русской *Правде* и иных газетах, а „на основе тем формировались названия программ“.¹³³ В то же время отмечаем технологические достижения, благодаря которым РС стало более доступным (частоты РС легче было ловить) в советском обществе. Управление радио в эти годы укрепило сотрудничество с академическими кругами, увидев пользу, на Западе и в СССР, которую приносит им самиздат.¹³⁴

С того момента, когда РС увидело важность Самиздата среди советского неофициального общества, и стала интенсивно заниматься самиздатской продукцией, Самиздат приобрел большое значение в мировых культурных кругах. Документы различной тематики регулярно поступали в службы и отделения РС в разных городах, где их потом читали по радио. По радио читали, кроме литературных произведений, работы Хельсинской группы, *Хроники текущих событий*, тексты религиозного и философского направления, и даже тексты, касающиеся кулинарии.

---

¹³¹ Cummings, *Cold War Radio*, 29; Сосин, *Искры Свободы*, 33.

¹³² Совет по Международному Вещанию (Board for International Broadcasting, BIB).

¹³³ Колчина, „Радио Свобода: от истории к сценической интерпретации“.
<http://www.mediascope.ru/node/1724>.

¹³⁴ По этому поводу организован круглый стол на тему *Будущее самиздата: значение и перспективы*. См. Сосин, *Искры Свободы*, 120.

Вместо печатного варианта, эти тексты возвращались на родину в форме звука на радиоволнах и частотах, что можно считать и особым типом тамиздата.¹³⁵

Главной целью РС с 1970-х было завоевать полное доверие граждан с помощью дружеского подхода в вещании и своего рода сочувствия, а этому больше всего способствовали бывшие советские граждане, писатели русского зарубежья и их приветливый голос. На укрепление общественно-культурной деятельности РС также повлияло усиление репрессий, деятельности диссидентов, интеллигенции и участников неофициального культурного движения.¹³⁶ Заведующие отделениями Русской службы РС сами принимали решения о передачах и темах, которые обсуждали радиоведущие и их гости. В определенных передачах у сотрудников РС иногда преобладал более высокий подход в вещании, на счет чего Довлатов шутил:

Генис написал передачу для радио *Либерти*. Там было множество научных слов — *аллюзия, цезура, консеквентный*. Редактор сказал Генису: Такие передачи и глушить не обязательно. Все равно их понимают лишь доценты МГУ.¹³⁷

Все больше внимания редакторы уделяли обсуждению тем и проблем советской повседневности, духовной жизни, культуры, всего, чем их слушатели интересовались:

Большая часть передач на культурные, научные, экономические, исторические темы были высоко оценены за оригинальный подход, индивидуальный стиль, интересные и пробуждающие мысль комментарии и анализ событий, касающихся России.¹³⁸

Передачи Русской службы РС создавались именно для советской аудитории, „а не просто отражали официальную точку зрения правительства США“¹³⁹. Сотрудники РС хотели узнать больше о своих слушателях, хотели добиться информации о настоящем состоянии в СССР. Поэтому слушатели могли им писать, или посылать документы на нейтральный адрес за рубежом.¹⁴⁰ Письма приходили на РС из разных стран и городов. Лица, ответственные за подлинность таких документов, проверяли их содержание и правописание, потом перепечатывали их или делали копии для архива и ученых, интересующихся самиздатской деятельностью, в общем, стратегической политикой холодной войны.¹⁴¹

---

¹³⁵ Колчина, *Автореферат диссертации*, 3.

¹³⁶ Puddington, *Broadcasting Freedom*, 170.

¹³⁷ Генис, *Довлатов и окрестности*, 38.

¹³⁸ Сосин, *Искры Свободы*, 194.

¹³⁹ Колчина, *Радио Свобода как литературный проект*, 16.

¹⁴⁰ Сосин, *Искры Свободы*, 40.

¹⁴¹ По этому поводу в Мюнхене в 1976 учреждено Объединение Архивов Самиздата (Samizdat Archive Association), которое в результате опубликовало 30 томов Собраний Документов Самиздата, находящихся сегодня в нескольких лучших библиотеках. См. Zaslavskaya „From Dispersed to Distributed Archives“, 699.

С изменениями на радио в начале 1970-х пришли новые сотрудники, большинство их были беженцы и члены русской интеллигенции. Положительной стороной прихода новых сотрудников было создание лучшей литературной редакции, а тем самым и повышение качества радиопередач.

Начало 1980-х обозначает появление внутренней напряженности на радио: возникновение внутреннего расхождения во мнениях между вторым и третьим поколением писателей-эмигрантов и другими деятелями культурной сферы, а еще более подчеркнуто между евреями и националистами¹⁴². В идейном смысле это была борьба между западниками и славянофилами, т.е. поклонниками Солженицына и Сахарова.¹⁴³

В программе РС можно выделить несколько тематических направлений передач: правозащитное, социальное, историческое и литературное.¹⁴⁴ В первые годы вещания передачи Русской службы на разные культурные темы были следующими: *Запретные страницы*, *Выздоровление от коммунизма*, *За вашу и нашу свободу*, *В точном смысле слова*, *Наши земляки за рубежом*.¹⁴⁵ Что касается передач общественно-культурной тематики в течение 1970–1980, можем отметить: *Россия вчера, сегодня и завтра*¹⁴⁶, *Письма и документы*, *Культура, события, люди*, затем диссидентские передачи (*Обзоры Хроники текущих событий*, *Обзор самиздата*, *Документы нашего времени*, *Документы и люди*, *Права человека*)¹⁴⁷, и наконец, литературные и культурные передачи (*О книгах и авторах*, *Неопубликованные работы советских авторов*, *Экслибрис*, *С другого берега*, *Поверх барьеров*, *Писатели у микрофона*). Параллельно создавались специальные передачи, комментарии и круглые столы. Обычно название передачи с годами менялось, хотя тематическая основа передачи не подвергалась большим изменениям. Таким образом, и сегодня¹⁴⁸ большинство передач на РС являются продолжением их предтечи 1980-х. Кроме почти одинаковых передач, иногда можно услышать и тех же радиоведущих.

---

¹⁴² Сосин, *Искры Свободы*, 139.

¹⁴³ Johnson, *Cold War Broadcasting*, 22-23.

¹⁴⁴ Колчина, *Радио Свобода как литературный проект*, 15.

¹⁴⁵ Сосин, *Искры Свободы*, 16.

¹⁴⁶ Там же, 29.

¹⁴⁷ Zaslavskaya „From Dispersed to Distributed Archives“, 686.

¹⁴⁸ Радио Свобода: „Радиопрограммы“. <http://www.svoboda.org/ProgramIndex.aspx>.

6.3. Литературная деятельность *Радио Свобода*

Радио Свобода еще в начале вещания на СССР старалось создать особый подход в вещании, который по большей части не был похож на вещание других западных радио. „С самого начала своего существования РС сделало ставку на русскую культуру, на наследие русскоязычных писателей, которое в Советском Союзе было либо запрещено, либо искажено“.¹⁴⁹

Как уже сказано, руководство РС и правительство США не вмешивалось в деятельность Русской службы, особенно в передачи на темы культуры.¹⁵⁰ Цель РС была не пропагандировать западный образ жизни и вести прямую антисоветскую пропаганду, а медленно приближаться к широкому кругу слушателей, которые нашли бы в Радио Свободы собственную свободу.

Управление радио поняло, что для осуществления намеченных целей нужно было привлечь на радио именно русских эмигрантов, беженцев, которые работали бы на русском языке для своих соотечественников. „[О]бновление сотрудников произошло у нас благодаря «третьей волне» эмиграции, когда массе советских граждан позволили покинуть страну в 70–80-е годы. На РС появился свежий приток молодых (штатных и внештатных) сотрудников и фрилансеров, хорошо знающих советскую жизнь.“¹⁵¹ Это показалось выгодным для всех сторон: эмигрантов, потому что устроились на хорошую работу; для управления РС, потому что осуществлялись их цели, и наконец, для слушателей, которые верили своим соотечественникам, работающим на РС. В итоге, на РС работало больше русских писателей и интеллигенции, чем на всех остальных радиостанциях, чему способствовала и третья волна эмиграции. В качестве примера, приведем писателей-сотрудников, которые работали на РС в течение 1970–1980-х: Сергей Довлатов, Александр Галич¹⁵², Владимир Войнович, Александр Генис, Петр Вайл, Виктор Некрасов, Василий Аксенов. Некоторыми из внештатных сотрудников и многократных гостей, работающих на РС в течение 1970–1980-х были: Иосиф Бродский, Людмила Алексеева, Андрей Амальрик, Борис Шрагин, Светлана

---

¹⁴⁹ Колчина, *Радио Свобода как литературный проект*, 16.

¹⁵⁰ Колчина, „Писатели-эмигранты у микрофона *Радио Свобода* в 1970-1980 годы“. <http://www.mediascope.ru/node/624>.

¹⁵¹ Сосин, *Искры Свободы*, 113.

¹⁵² Он вел уникальные передачи, базировавшиеся на его авторских песнях. Одна из самых ярких личностей, работавших на РС. Был исключен из Союза Советских писателей и Союза кинематографистов. См. Сосин, *Искры Свободы*, 126.

Аллилуева, Александр Солженицын, Андрей Синявский и его жена Мария Розанова, Владимир Вейдле, Гайто Газданов.

Со временем РС стало главным источником информации, о которой было запрещено говорить в СССР. Вещание шло круглосуточно¹⁵³, а передачи повторялись по несколько раз в день из-за постоянного глушения. Передачи создавались и велись, имея в виду именно советских слушателей, которые были знакомы только с ограниченным числом информации. Не только сосредоточенность на определенной группе тем, интересных широкому обществу, популяризировало РС, но и более свободный, близкий слушателям язык, который начал использоваться с приходом нового поколения сотрудников на РС.

В то время как политически направленные передачи не столько отличались от таких же передач других русских служб западных радио, литературно направленные передачи созданы совсем по-другому, и именно они являются интересными в этом контексте. Передачи РС, занимающиеся литературно-художественными темами, создавались вполне независимо от руководителей радио, политики США и актуальных в то время конфликтов между Западом и коммунистическим Востоком, хотя сами журналисты и были своего рода разведчиками, чтобы заполучить подлинную информацию. Важность литературы в деятельности РС понимало даже нерусское руководство:

[Э]мигрантская литература - это та область, которую должна использовать ваша радиостанция в своей работе.¹⁵⁴

В СССР писатели младшего поколения в течение 1970–1980-х почти больше не пытались официально публиковать свои произведения, зная, что одни не пройдут тщательные проверки и цензуру. Они начали претендовать на западные издательства и другие способы распространения, а западное радио оказалось отличным способом распространения литературных произведений писателей-эмигрантов (напр., передача *Экслибрис*¹⁵⁵).

Помимо *Доктора Живаго*, дикторы РС целиком прочли у микрофона *Новый класс* Милована Джиласа, *Технологию власти* Абдурахмана Авторханова, повести Абрама Терца (Андрея Синявского), *Двадцать писем к другу* и *Только один год* Светланы Аллилуевой, *Сдачу и гибель советского интеллигента: Юрий Олеша* Аркадия Белинкова, *Бабий Яр* Анатолия Кузнецова, обе

---

¹⁵³ Наиболее слышно было после полуночи.

¹⁵⁴ Приведенные слова взяты из распечатки конфиденциального colloquium на совместной конференции РС и Нью-Йоркского Университета 20 ноября 1965 года, а их автором является один из руководителей (или ведущих) РС. См. Сосин, *Искры Свободы*, 94.

¹⁵⁵ В передаче обсуждались произведения молодых, еще не публиковавшихся советских писателей. См. Сосин, *Искры Свободы*, 159.

книги воспоминаний Надежды Мандельштам, *Большой террор* Роберта Конквеста, книги Александра Солженицына, Владимира Войновича, Георгия Владимова, Юза Алешковского, Сергея Довлатова.¹⁵⁶

Кроме литературных чтений и комментариев, в которых принимали участие разные писатели, самые популярные культурно-литературные передачи были: *О книгах и авторах*, *Неопубликованные работы советских авторов*, *Экслибрис*, *Писатели у микрофона*, *С другого берега*, *Поверх барьеров*, *Культура*, *Судьбы*, *Время*, *Шалом*, программа *Не хлебом единым*.¹⁵⁷ В таких передачах обсуждались темы эмиграции и жизни на Западе с личной точки зрения писателей и иных гостей, затем вопросы современной литературы и культуры, признании нобелевских писателей в СССР и на Западе. Создавались передачи в память репрессированных писателей, как, например, Анны Ахматовой (передачу вели Довлатов с Бродским), Николая Гумилева, Сергея Есенина и многих других, отмечались годовщины. „В целом третья волна принесла в радиоэфир городскую тематику, модернизм, тему нонконформизма и андеграундной жизни, сатиру и юмор, драму советского еврейства.“¹⁵⁸

Одним из современных авторов, который стал неотделимой частью РС, был Сергей Довлатов, с чьими произведениями советское общество познакомилось путем радиоволн, а только в 1990 году в официальном печатном виде. Он, как и многие другие писатели-эмигранты, на радио, в передаче *Писатели у микрофона*, продолжал свою художественную деятельность. Довлатов и сходные с ним писатели (Войнович, Аксенов, Галич) в то же время развивались в сфере радиожурналистики, что частично и повлияло на их произведения. Свои произведения часто сочиняли именно для микрофона. Это можно увидеть и на случае Довлатова, почти все рассказы которого прозвучали на РС. Его предложения и, в общем, язык, не сложны, их легко слушать, особенно учитывая факт, что РС постоянно глушили. Похожее было и с другими писателями-сотрудниками на РС (В. Войнович, А. Кузнецов), чьи передачи не проходили никакую цензуру и непосредственно шли в эфир.

Передачи РС немало раз записывались на магнитофонную пленку, и потом распространялись в виде записи или перепечатывались.¹⁵⁹ Что касается музыки,

---

¹⁵⁶ Колчина, „Писатели-эмигранты у микрофона *Радио Свобода* в 1970-1980 годы“. <http://www.mediascope.ru/node/624>.

¹⁵⁷ Колчина, „Писатели-эмигранты у микрофона *Радио Свобода* в 1970-1980 годы“. <http://www.mediascope.ru/node/624>.

¹⁵⁸ Колчина, „Писатели-эмигранты у микрофона *Радио Свобода* в 1970-1980 годы“. <http://www.mediascope.ru/node/624>.

¹⁵⁹ Сосин, *Искры Свободы*, 23, 100.

самыми популярными русскими исполнителями были барды: Окуджава, Высоцкий и вышеупомянутый Галич. Записывались и целые литературные произведения. Приведем пару примеров, которые свидетельствуют об этом:

В 1983 году по радио читали поэму Иосифа Бродского *Пятая годовщина* (1977). Пока читали, я быстро записывал начало строчек, потом, когда ведущие стали поэму обсуждать, некоторые строки повторяли, и у меня была возможность их дописать. Дождавшись ближайшего застолья, я огласил поэму почти полностью. Все сидели, разинув рты. Был полный фурор.¹⁶⁰

В. И. Коновалихин перепечатал *Архипелаг ГУЛАГ*¹⁶¹, слушая РС, т.е. литературную передачу *С другого берега*, в которой обычно читались неопубликованные или запрещенные в СССР произведения. Пример Коновалихина показывает, что слушатели не только знакомились с литературой, но и с целым неофициальным движением, включая и диссидентов.

РС стало мощным культурным оружием, которым пользовались вне и внутри СССР. Руководители еще в 1950-х поняли важность культурной деятельности РС, и со временем увеличивали число передач, интересующихся литературно-художественной жизнью в СССР и на Западе. Литературному наследию еще со времен Сталина угрожало забвение, но благодаря неофициальным видам коммуникации, начиная с самиздата и заканчивая с литературными чтениями в эфире РС (и других западных голосов), сохранилась память о писателях (некоторые из них были Булгаков, Мандельштам, Пастернак, Солженицын, Бродский) и множество произведений, которые сегодня считаются классикой.

6.4. Сергей Довлатов и *Радио Свобода*

В 1978 году Довлатов решил эмигрировать из СССР благодаря своим частично еврейским корням, но и смягчению власти по вопросу беженцев.¹⁶² Его сочинения не публиковали на родине, и он решил посылать их на Запад, чтобы, если удастся, они распространялись там или возвращались в виде тамиздата обратно в СССР¹⁶³.

По образованию журналист, душой писатель, Довлатов в своих произведениях соединил два противопоставленных мира. Довлатов, как и другие писатели его

---

¹⁶⁰ Колчина, „Литературная жизнь современного русского зарубежья: писатели у микрофона *Радио Свобода*“. <http://www.mediascope.ru/node/741>.

¹⁶¹ В 1974 году начали читать эту книгу по радио, каждый день по полчаса, что длилось три месяца. См. Сосин, *Искры Свободы*, 125.

¹⁶² Настоящность Хельсинской группы привела к улучшению прав человека.

¹⁶³ Первую книгу опубликовало издательство *Ардис*. См. Генис, *Довлатов и окрестности*, 60.

поколения, родился и жил в СССР, складывая свои мнения и взгляды на мир в коммунистическом контексте, не зная из первых рук о жизни в досоветской России. Его поколение должно было быть образцом идеальной системы в стране и за рубежом, но этого не случилось. Как уже упомянуто, писатели третьей волны начали смотреть на ситуацию в стране по-другому. Неудовольствие правительством росло, а вместе с этим развивалось общество вне официальных законов. То же самое произошло с Довлатовым.

Свою работу на РС сам Довлатов считал, по его словам, больше „халтурой“¹⁶⁴, чем настоящей работой. И все-таки, с 1980-х Довлатов регулярно вел передачу *Писатели у микрофона*, а также принимал участие в других передачах, комментариях, круглых столах и литературных дискуссиях.¹⁶⁵ Он не только читал свои произведения, но писал радиозэссе именно для РС и его слушателей. Свидетельства американских и русских сотрудников РС говорят о том, что Довлатова слушатели любили – его голос, иронические замечания и чувство юмора. Его коллега по радио, А. Генис, отмечает:

Радио отвечало акустической природе довлатовского дарования. Сергей писал вслух и выпускал предложение только тогда, когда оно безупречно звучало. В этом ему помогал сам язык, который Бродский называл „гуттаперчевым“.¹⁶⁶

Его темы были близки и актуальны его слушателям, а потом и читателям. Он писал на границе между документацией и беллетристикой, включая в свои рассказы мемуары, факты и совсем измененные или вымышленные события („сама документальность — плод решения эстетической задачи“¹⁶⁷). Его почерком был иронический подход и смелый юмор. „Он говорил о людях, о русском менталитете, который по сей день остается неизменным“.¹⁶⁸

В Приложении этой работы приведем перевод одного рассказа, типичного для прозы Довлатова и эстетических приемов, которыми он пользуется в нем.

---

¹⁶⁴ Генис, *Довлатов и окрестности*, 89.

¹⁶⁵ Определенные передачи можно прослушивать на сайте РС (<http://archive.svoboda.org/50/Files/>), а все остальные хранятся в разных архивах РСЕ/РС.

¹⁶⁶ Генис, *Довлатов и окрестности*, 92.

¹⁶⁷ Там же, 37.

¹⁶⁸ Анна Колчина, *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Социокультурный феномен "Радио Свобода" в информационном пространстве современной России* (Москва: МГУ Факультет журналистики, 2011). <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnyi-fenomen-radio-svoboda-v-informatsionnom-prostranstve-sovremennoi-rossii#ixzz3hniRnUYF>

7. Заключение

Культурный феномен, а в данном контексте рассмотрен феномен неофициальной коммуникации в политически ограниченном обществе, является сегодня интересным для разного рода исследований. Мы попытались рассмотреть, в какой мере феномен самиздата и всех его вариантов, а особенно вещания западного радио, повлияли на сохранение русской литературной традиции и современных литературных произведений.

Хотя строгого теоретического базиса для этого типа исследования не существует, в пользу вышеупомянутой гипотезы говорят многочисленные свидетельства участников неофициальных культурных движений, сотрудники радио, конкретно РС, которые всегда подчеркивают объемную литературную деятельность РС как единственный случай среди западных радио, и, наконец, иные данные (опросы слушателей, число тамиздатских и самиздатских изданий). Значительным является факт, что РС годами собирало материалы самиздата в свой архив, а эти тексты и определяли их (эфирную) деятельность. Подлинные пленки, на которых записаны передачи интересных нам писателей были недоступны, но то, что было доступно, позволило создать данную работу, для которой теоретической основой послужили книги на тему истории и развития самиздата и западного радио, а вместе с ним и радиоцензуры.

Начало появления Самиздата связывается с распространением литературы, а такой контекст сопровождает его до самого конца. Радио с годами меняло свой подход, особенно самая антисоветская радиостанция *Радио Свобода*. В конце 1960-х начинается новая эра в вещании. Политический тон заменен более мягким, преобладали общественно и культурно, и, прежде всего, литературно направленные передачи, в которых принимали участие лучшие писатели 1970–1980-х. Именно поэтому можно считать, что „радиостанция способствовала развитию современного литературного процесса и сохранению литературного наследия писателей XX века, несмотря на информационные и идеологические барьеры, на драматические судьбы писателей, восприятие образа *Радио Свобода* как вражеского радио в СССР.“¹⁶⁹ В пользу вышесказанного говорит число писателей и культурных деятелей, работавших на РС.

---

¹⁶⁹ Анна Колчина, „Как *Радио Свобода* сохранило запрещенную литературу“. Опубликовано 04/06/2015. <https://www.oximity.com/article/%D0%9A%D0%B0%D0%BA-%D0%A0%D0%B0%D0%B4-1>.

Самиздат, тамиздат и радио в социокультурном контексте важны как медиаторы, посланники целого поколения, как основа для создания и развития неофициальной, *свободной* культурой сцены в поздний период СССР. То, что началось как альтернатива правящей системы, сегодня воспринимается как дух времени.

**8. Приложение: Перевод, как вклад в дальнейшее распространение русской литературы позднего социализма в хорватских рамках:
Сергей Довлатов: *Мой старший брат / Moj stariji brat***

Život je preobrazio mog bratića u kriminalca. Meni se čini da je imao sreće. U protivnom bi sigurno postao važni partijski funkcionar.

To je pitanje povlačilo za sobom mnoštvo različitih pretpostavki. Međutim, nećemo se zalijetati...

Moja je tetka bila poznata književna urednica. Njezin muž, Aron, bio je upravitelj vojne bolnice. Osim toga znao je držati predavanja i sakupljao je markice. Bila je to skladna, dobra obitelj...

Moj se stariji brat rodio u prilično tajanstvenim okolnostima. Prije udaje tetka je imala ljubavnu avanturu. Zaljubila se u zamjenika Sergeja Mironoviča Kirova¹. On se zvao Aleksandr Ugarov. Stari stanovnici Lenjingrada sjećaju se tog uglednog djelatnika Oblasnog komiteta².

On je imao obitelj. No pored službenog braka volio je tetku.

I tetka je ostala u drugom stanju.

Na kraju je došlo vrijeme da rodi. Odveli su je u bolnicu.

Majka je otišla u Institut Smoljni³. Uspjela se izboriti za primanje. Podsjetila je zamjenika Kirova na sestru i njezine probleme.

Ugarov je mrko izdao nekoliko naredbi. Služinčad OBKOM-a, poput vojnika u stroju, nosili su u rodilište cvijeće i voće. A u tetkin su stan dostavili minijturni inkrustirani stol za kartanje. Očigledno, zaplijenjen od klasnih neprijatelja.

Tetka je rodila zdravog, simpatičnog dječaka Borju. Majka je ponovno odlučila otići u OBKOM. Za primanje se nije uspjela izboriti. I to ne zato jer se Ugarov umislio. Sasvim obrnuto. Tih su dana sretnog taticu uhitili kao neprijatelja naroda.

Bila je to trideset osma godina... Tetka je ostala je s bebom.

---

¹ Sovjetski revolucionar i političar, visoko pozicionirani član partije, jedan od glavnih konkurenata Staljina u borbi za vlast. Ubijen je 1. studenog 1934. godine, što se smatra početkom Staljinovih masovnih čistki, poznatih kao *Veliki teror*.

² Oblasni komitet KPSS bio je političko-upravno tijelo Partije nadležno za upravljanje određenom regijom, tj. oblašću u SSSR-u. Dalje u tekstu OBKOM.

³ Sjedište KPSS-a u Lenjingradu (danas sjedište guvernera Sankt-Peterburga); u istoj je zgradi 1934. godine ubijen vođa lenjingradskih boljševika Sergej Mironovič Kirov.

Sreća pa Ugarov nije bio njezin muž. Inače bi tetku prognali. Ovako su prognali ženu i djecu Ugarova. Što je, naravno, također neprijatno.

Tetka je dobro znala kuda sve to vodi. Ona je bila lijepa, energična i samostalna žena. Ako se nečega i bojala, bila je to partijska kritika...

Osim toga, pojavio se Aron. Očigledno je volio moju tetku. Zatražio je njezinu ruku.

Aron je bio sin vlasnika trgovine šešira. No pritom nije izgledao kao tipični Židov: kratkovidan, slabašan, zamišljen. Bio je to visok, jak i muževan čovjek. Bivši student-revolucionar, crvenoarmijac i nepman. Zatim administrativni radnik. I naposljetku, u podmaklim godinama – revizionist i disident...

Aron je obožavao moju tetku. Dječak ga je zvao – tata...

Počeo je rat. Mi smo se našli u Novosibirsku. Borja je napunio tri godine. Išao je u dječji vrtić. Ja sam bio dojenče.

Borja bi mi donosio komadiće šećera u kocki. Držao bi ih za obrazom. A doma bi ih vadio i stavljao na tanjurić.

Ja sam zanovijetao, nisam htio jesti šećer. Borja je zabrinuto govorio našim roditeljima:

- Pa šećer se topi...

Zatim je rat završio. I mi više nismo gladovali...

Moj je brat izrastao u lijepog tinejdžera zapadnoeuropskog tipa. Imao je svijetle oči i tamnu, kovrčavu kosu. Nalikovao je na mlade junake iz progresivnih talijanskih filmova. To su mislili svi naši rođaci...

Bio je to uzorni sovjetski dječak. Pionir, odlikaš, nogometaš i sakupljač starog željeza. Vodio je dnevnik u kojem je zapisivao mudre izreke. Posadio je brezu u svom dvorištu. U dramskoj su skupini njemu dodjeljivali uloge omladinaca iz *Mlade garde*⁴...

Ja sam bio mlađi, no gori. I uvijek su mi njega postavljali za primjer.

On je bio iskren, sramežljiv i načitan. Govorili su mi: Borja dobro uči, pomaže roditeljima, bavi se sportom... Borja je pobijedio na okružnoj olimpijadi... Borja je izliječio ranjenog pilića... Borja je sastavio detektorski prijemnik. (Ja do dan danas ne znam što je to...)

I onda se dogodilo nešto fantastično... Nešto što se ne može opisati... Ja naprosto nemam riječi...

Ukratko, moj se brat pomokrio na ravnatelja škole.

---

⁴ *Mlada garda* bila je neslužbena antifašistička omladinska (komsomolska) organizacija za vrijeme Drugog svjetskog rata. A. A. Fadeev godine 1951. izdaje roman pod istim naslovom, u kojem su opisani podvizi i sudionici navedene organizacije.

Dogodilo se to poslije nastave. Borja je lijepio zidne novine povodom Dana sportaša. Pored njega su se gomilali kolege iz razreda.

Netko je, gledajući kroz prozor, rekao:

– Pandur je krenuo... (Pandurum su zvali ravnatelja škole Čebotareva.)

Zatim se moj brat popeo na prozorsku dasku. Zamolio je curice da se okrenu. Vješto je izračunao putanju. I oprao Čebotareva od glave do pete...

Bilo je to nevjerojatno i divlje. Skoro za ne povjerovati. Za mjesec dana neki od prisutnih počeli su se pitati je li se to zaista dogodilo. Toliko je strašna bila opisana scena.

Reakcija ravnatelja Čebotareva također je bila sasvim neočekivana. Njegov ugled bio je potpuno narušen. I odjednom je brzo procvilio žargonom kriminalno-zatvorskog miljea:

– Ja sam takvima u zatvoru pendrekom pokazivao gdje im je mjesto!.. Govna ćeš mi jesti!.. Ti bijedni kučkin sine!..

U ravnatelju Čebotarevu probudio se stari zatvorski narednik. A tko bi mogao pomisliti?.. Zelena fedora, kineski ogrtač, dupkom puna aktovka...

Moj brat je dotični potez napravio tjedan dana prije završetka škole. I ostao tako bez zlatne medalje za izvrsnost. Roditelji su jedva nagovorili ravnatelja da Borji izda svjedodžbu o završetku srednje škole...

Ja sam tada upitao brata:

– Zašto si to napravio?

Brat je odgovorio:

– Ja sam napravio ono o čemu mašta svaki školarac. Ugledavši Pandura shvatio sam – sad ili nikad! Napraviti ću to!.. Ili neću sam sebe poštivati...

Već sam tada bio poprilično pakostan tinejdžer. Rekao sam svojem bratu:

– Za sto će godina na fasadi vaše škole objesiti memorijalnu ploču: „Ovu je školu pohađao Boris Dovlatov...sa svim neočekivanim posljedicama koje otud proizlaze ...“

O vandalskom potezu moga brata pričalo se nekoliko mjeseci. Zatim se Boris upisao u kazališnu visoku školu. Odlučio je postati povjesničarom umjetnosti. Njegov se zločin počeo zaboravljati. Tim više jer je sjajno učio. Bio je sekretar komsomolske organizacije. A također i donator, urednik zidnih novina i golman...

Odrastavši, postao je još ljepši. Sličio je na talijanskog filmskog glumca. Djevojke su ga oblijetale ne skrivajući svoje oduševljenje.

U isto je vrijeme on bio čestit i sramežljiv mladić. Zazirao je od ženske koketnosti. Sjećam se zapisa u njegovom studentskom dnevniku:

„Najvažnije za knjigu i za ženu nije izgled, nego sadržaj...“

Čak i sada, poslije nebrojenih životnih razočarenja ta mi se teza čini dosadnom. Kao i prije, sviđaju mi se samo lijepe žene.

Štoviše, pun sam predrasuda. Recimo, meni se čini da su sve debele žene lažljive. Posebno ako u pratnji debljine dolazi malo poprsje...

Međutim, ovdje nije riječ o meni...

Moj je brat završio kazališnu visoku školu. Diplomirao je s najvećom pohvalom. Iza sebe je imao blistav komsomolski dosje.

Kao pravi komsomolac sudjelovao je u akciji *Djevičanska polja*⁵, bio je i komandant omladinske radne brigade. Bio je član dobrovoljačkog odreda pomoćnika milicionara. Bio je prijetnja malograđanskom duhu i reliktima kapitalizma u ljudskoj svijesti.

Imao je najpoštenije oči u naselju...

Postao je voditelj književnog odjela. Zaposlio se u kazalištu *Lenjinski komsomol*. To je bilo gotovo nevjerovatno. Žutokljunac, donedavno student, i odjednom takva dužnost!..

Kao voditelj književnog odjela bio je zahtjevan i efikasan. Borio se za progresivnu umjetnost. I to taktično, suzdržano i oprezno. Vješto je pokušavao progurati Vampilova, Borščagovskoga, Mrožeka...

Pobojavali su ga se i zaslužni sovjetski dramaturzi. Divila mu se buntovna kazališna mladež. Slali su ga na vrlo važne poslovne putove. Bio je sudionikom nekoliko kremaljskih zasjedanja. Delikatno su mu ponudili da postane članom partije. On se dvoumio. Činilo mu se da nije dostojan...

I odjednom se moj brat opet proslavio. Ja čak ne znam kako bih to prikladnije rekao... Ukratko, Borja je počinio dvanaest pljački.

U visokoj se školi družio s momkom po prezimenu Capin. I što, on i Capin su opljačkali dvanaest stranih turističkih autobusa. Odnijeli su kufere, radioprijamnike, magnetofone, kišobrane, kabanice i kape. Među ostalim i rezervni kotač.

Sljedeći dan su ih uhitili. Mi smo bili u šoku. Tetka je odjurila svom prijatelju Juriju Germanu. Taj je pak nazvao prijatelje, milicijske generale.

Na sudu je mog brata branio najbolji odvjetnik u gradu, Kiselev.

U procesu suđenja na vidjelo su izašle određene pojedinosti i detalji. Pokazalo se da su žrtvama pljačke bili predstavnici zemalja u razvoju. Ujedno i članovi naprednih socijalističkih organizacija.

Kiselev je odlučio to iskoristiti. Postavio je pitanje mojem bratu:

---

⁵ Gospodarski projekt zamišljen za vrijeme Hruščova, kojim bi se stepska područja Kazahstana pretvorila u oranice.

– Optuženi Dovlatov, jeste li znali da su dotični ljudi građani zemalja u razvoju? A uz to i predstavnici socijalističkih organizacija?

– Nažalost, ne, – razumno je odgovorio Boris.

– A da ste to znali?.. Biste li se odlučili prisvojiti njihovo privatno vlasništvo?

Lice mog brata poprimilo je izraz krajnje uvrede. Pitanje odvjetnika njemu se činilo sasvim netaktičnim. On je zlovoljno podigao obrve. Što je označavalo: „Vi se još usuđujete pitati? Ma kako ste samo mogli i pomisliti?!..“

Kiselev je vidno živnuo.

– Tako, – rekao je on – i na kraju, posljednje pitanje. Vi niste pomislili da su ta gospoda predstavnici reakcionarnih slojeva društva?

U taj ga je trenutak prekinuo sudac:

–Druže Kiselev, ne činite od optuženika borca za svjetsku revoluciju!..

No brat je uspio kimnuti glavom. Kao da mu je sinula takva ideja...

Sudac je povisio glas:

– Molim vas da se držite činjenica kojima sud raspolaže...

Mog su brata osudili na tri godine.

Na sudu se on držao hrabro i jednostavno. Podsmjehivao se i zadirkivao sudca.

Kada su donijeli osudu, brat nije niti trepnuo. Iz sudnice su ga odveli pod pratnjom.

Zatim je uložena žalba. Kojekakve brige, pregovori, pozivi. I sve to uzalud.

Moj brat je završio u Tjumeni. U popravnoj koloniji srednje strogog režima. Mi smo se dopisivali. Sva njegova pisma započinjala su riječima: „Kod mene je sve u redu...“

Dalje su išle mnogobrojne, no suzdržane i razumne molbe: „Dva para vunениh čarapa... Priručnik za samostalno učenje engleskog... Tajice... Obične bilježnice... Priručnik za samostalno učenje njemačkog ... Češnjak... Limuni... Kemijske olovke... Priručnik za samostalno učenje francuskog ... Također i – priručnik za samostalno učenje sviranja gitare...“

Informacije iz zatvora bile su potpuno optimistične. Viši odgojitelj Bukin pisao je mojoj tetki: „Boris Dovlatov čvrsto se drži svih pravila logorskog režima... Ima autoritet među zatvorenicima... Redovito ispunjava radne zadatke... Aktivno sudjeluje u amaterskom umjetničkom radu...“

Brat je pisao da su ga postavili za dežurnog. Zatim za brigadira. Zatim za predsjednika vijeća brigadira. I na kraju – za nadležnog u kupaonici.

Bila je to vrtoglava karijera. I izgraditi je u zatvoru bilo je iznimno teško. Isti taj trud na slobodi vodi do sinekure u birokratskoj strukturi. Do specijaliziranih trgovina deficitarnom robom, dača i odlazaka u inozemstvo...

Moj se brat munjevito popravljao. On je bio logorski svjetionik. Njemu su zavidjeli, njemu su se divili.

Za godinu dana premješten je na kemiju. To jest u logor otvorenog tipa. S obaveznim radnim mjestom u lokalnom kemijskom postrojenju.

Tamo se on i oženio. Pridružila mu se samopožrtvovana kolegica Liza. Ponijela se poput žene dekabrista. Postali su muž i žena...

A mene su u međuvremenu protjerali s fakulteta. Zatim su me pozvali u vojsku. I dospio sam u čuvare. Postao sam zatvorski čuvar.

I tako sam ja bio čuvar, a Borja – zatvorenik.

Ispalo je tako da sam čuvao čak i svog brata. Istina, ne zadugo. Pričati o tome ipak ne želim. Inače bi sve bilo odveć književno. Kao u *Donskim pričama* Šolohova.

Dovoljno je to što sam bio čuvar. A moj brat – zatvorenik...

Vratili smo se gotovo istovremeno. Brata su oslobodili, a mene demobilizirali.

Obitelj je pripremila grandiozni banket u *Metropoli*. Nazdravljali su uglavnom mojemu bratu. No i o meni su rekli par dobrih riječi.

Ujak Roman izrazio se na sljedeći način:

– Postoje ljudi koji podsjećaju na gmazove. Oni žive u močvarama... I postoje ljudi koji podsjećaju na planinske orlove. Oni lete iznad sunca, široko raširenih krila... Popijmo za Borju, našeg planinskog orla!.. Popijmo jer su loša vremena za nama!..

– Bravo! – povikala je rodbina. – Sjajno, orao naš, džigit!..

Ja sam u ujakovu govoru ulovio motive Gorkovljeve *Pjesme o sokolu*...

Roman je lagano snizio glas i dodao:

– Popijmo i za Serjožu, našeg orlića! Istina, još je mlad, njegova krila još nisu ojačala. No i njega čekaju široka prostranstva!..

– Sačuvaj Bože! – poprilično glasno reče mama.

Ujak je prijekorno pogledao prema njoj...

Ponovno je tetka zvala razne ljude. I mog su brata primili na *Lenfilm*. Postao je nešto poput stručnjaka za rasvjetu.

A ja sam dospio u visokonakladne novine. Osim toga sam počeo pisati priče...

Karijera mog brata razvijala se ubrzanim tempom. Uskoro je postao laborant. Zatim dispečer. Zatim – viši dispečer. I na kraju, zamjenik izvršnog producenta. To jest, materijalno odgovornom osobom.

Nije se uzalud moj brat u zatvoru tako brzo popravio. Sada je on, očito, bio nezaustavljiv... Za mjesec je dana njegova fotografija visjela na Počasnoj ploči. Zavoljeli su ga redatelji, operateri i sam ravnatelj *Lenfilma*, Zvonarev. Štoviše, zavoljele su ga i čistačice...

Obećali su mu i samostalni film u bliskoj budućnosti.

Šesnaest starih komunista *Lenfilma* bilo je spremno dati mu preporuku za ulazak u partiju. No brat se dvoumio.

Podsjećao je na Levina iz *Ane Karenjine*. Levina je na početku braka zbuñivala u mladosti izgubljena nevinost. Brata je mučio sličan problem. Točnije, može li se biti komunistom s kriminalnom prošlosti?

Stari su ga komunisti uvjerovali da može...

Brat se izrazito isticao na mojoj turobnoj pozadini. On je bio veseo, dinamičan i škrt na riječima. Slali su ga na vrlo važne poslovne putove. Proricali su mu blistavu administrativnu karijeru.

Bilo je teško za povjerovati da je on bio u zatvoru. Mnogi od ne tako bliskih prijatelja su mislili da sam u zatvoru bio ja...

I opet se nešto dogodilo. Iako ne odmah, nego kroz neko vrijeme. Došlo je nekakvih čudnih prekida. Kao da je svečane zvukove *Appassionate* prekinulo oštro jaukanje saksofona.

Moj je brat, kao i prije, gradio karijeru. Držao govore na raznim skupovima. Išao na poslovne putove. No paralelno se počeo opijati. I udvarati se ženama. I to neočekivano entuzijastično.

Moglo ga se vidjeti u sumnjivom društvu. Okruživali su ga pijanci, šverceri, razni sumnjivi veterani bitke na rijeci Halhin Gol.

Kad bi se otriježnio, trčao bi na sastanak. Nakon uspješnog nastupa na sastanku žurio bi nazad prijateljima.

U početku se ti putovi nisu presijecali. Brat je gradio karijeru i u isto je vrijeme – rušio.

Po tri se dana ne bi javljao doma. Gubio bi se sa svakojakim propalicama. Većina je tih žena bila jako ružna. Sjećam se, jedna se zvala Greta. Bila je gušava.

Rekao sam svom bratu:

– Ti možeš naći i bolje.

– Divljak, – razbjjesnio se brat, – znaš li ti da ona dobiva žestu na poslu! I usto u neograničenim količinama...

Očito se moj brat još uvijek vodio onom mladenačkom doktrinom: „Ono što je glavno u knjizi i ženi – nije izgled, nego sadržaj...“

Zatim je Boris prebio konobara u restoranu *Narva*. Brat je htio da konobar otpjeva pjesmu *Suliko*...

Počeo je završavati na miliciji. Svaki ga je put od tamo izbavljalo partijsko vodstvo *Lenfilma*. No svako put sa sve manje želje.

Svi smo čekali kako će sve to završiti...

Na ljeto je on otišao na snimanje filma *Daurija* u Čitu. I odjednom smo doznali da je brat službenim vozilom pregazio čovjeka. I to oficira sovjetske armije. Na smrt...

Bilo je to težak period pretpostavki i nagađanja. Dopirale su raznorazne informacije. Pričalo se da je Borja vozio potpuno pijan. Pričalo se, istina, da je i oficir bio pijan. Iako to nije imalo nikakvog značaja s obzirom da je bio mrtav...

Sve to se skrivalo od tetke. Ujak je skupio oko četiristo rubalja. Ja sam trebao odletjeti u Čitu, saznati detalje i poduzeti nešto pametno. Dogovoriti se o pošiljci s potrepštinama, uzeti odvjetnika...

– I ako je moguće, potkupiti istražitelja, – pripomenuo je ujak Roman.

Počeo sam se spremati.

Kasno u noći odjeknuo je zvuk telefona. Podigao sam slušalicu. Iz tišine se promolio smireni glas mog brata.

– Spavaš?

– Borja! – kriknuo sam. – Živ si?! Neće te strijeljati?! Jesi bio pijan?!

– Živ sam, – odgovorio je brat, – neće me strijeljati... I zapamti, bio je to nesretan slučaj. Vozio sam trijezan. Dat će mi četiri godine, ne više. Jesi dobio cigarete?

– Kakve cigarete?

– Japanske. Znaš, Čita ima posebni trgovinski ugovor s Japanom. I tu prodaju odlične cigarete *Hi-Lite*.

Poslao sam ti šteku za rođendan. Nisi je dobio?

– Ne. Nije bitno...

– Kako misliš nije bitno? To su prvoklasne cigarete, izrađene u skladu s američkom licencom.

No ja sam ga prekinuo:

– Jesi li u pritvoru?

– Ne, – odgovorio je, – zašto? Živim u hotelu. Istražitelj dolazi kod mene. Zove se Larisa. Onako, punačka. Usput, pozdravlja te...

U slušalici se iz pozadine čuo ženski glas:

– Ku-ku, pilence moje!

Zatim je opet nastavio brat:

– Nemaš nikakvog razloga letjeti za Čitu. Mislim da će suđenje biti u Lenjingradu... Mama zna?

– Ne, – odgovorio sam.

– Dobro...

– Borja! – urlao sam. – Što da ti pošaljem? Vjerojatno se grozno osjećaš?! Ipak si ubio čovjeka! Ubio čovjeka!..

– Ne deri se. Oficiri su stvoreni da bi pogibali... Još jednom ponavljam, bio je to nesretan slučaj... A najvažnije, gdje li su se zagubile cigarete?..

Uskoro su iz Čite došla dva neposredna svjedoka događaja. Tako su postali poznati detalji slučaja. Evo što se očito dogodilo.

Bio je nečiji rođendan. Slavlje se odvijalo u krilu prirode. Borja je došao navečer, u službenom vozilu. Kao i uvijek, nije bilo dovoljno alkohola. Gosti su lagano klonuli. Dućani su bili zatvoreni.

Borja se oglasio:

– Idem po *samogon*⁶. Tko će sa mnom?

Bio je pripit. Probali su ga odgovoriti. Na kraju je s njim krenulo još troje ljudi. Među njima i šofer automobila koji je drijemao na zadnjem sjedalu.

Nakon pola sata su srušili motociklista. On je poginuo na licu mjesta.

Sudionici nesreće bili su u panici. Za razliku od njih, mog je brata to otriježnilo. Reagirao je odlučno i razumno. A to znači da je ipak krenuo po *samogon*. To je trajalo otprilike petnaest minuta. Zatim je darežljivo opskrbio *samogonom* sve sudionike vožnje. Uključujući i šofera automobila koji se malo otriježnio. A onda opet zadrijemao.

Tek je onda brat pozvao miliciju. Uskoro je došlo isljedničko vozilo. Pronašli su truplo, razbijeni motocikl i četvero pijanih ljudi. S tim da je moj brat bio najtrjezniji.

Poručnik Dudko je upitao:

– Tko je od vas šofer?

Brat je pokazao na šofera koji je spavao. Šofera su posjeli u isljedničko vozilo. Ostale su razvezli kući i zapisali adrese.

Brat se skrivao tri dana. Dok se nije izvjetrio alkohol. Zatim se predao na miliciju priznavši krivicu.

---

⁶ Iznimno jaki, domaći alkohol. Špirit, žesta.

Šofer se do tada, naravno, otriježnio. Držali su ga u pritvoru. On je bio uvjeren da je u pijanom stanju pregazio čovjeka.

Tada se pojavio brat i priznao da je on bio vozač.

– Zašto ste optužili Krahmal'nikova Jurija Petroviča? – razljutio se poručnik.

– Vi ste pitali tko je šofer, i ja sam odgovorio...

– A gdje ste nestali tri dana?

– Prepao sam se... Bio sam u šoku...

Lažni izraz lica mog brata odražavao je krhko psihičko stanje.

– Takav da se preplaši! – nije povjerovao poručnik.

Zatim je upitao:

– Jeste li bili pijani?

– Nimalo, - odgovorio je moj brat.

– Sumnjam...

Opet, već je bilo nemoguće nešto dokazati. Sudionici rute zaklinjali su se da Borja nije pio. Šofer je dobio službeni ukor.

Brat je mudro postupio. Sada su mu nisu mogli suditi za vožnju u pijanom stanju. Nego kao sudioniku nesretnog slučaja.

Istražiteljica Larisa mu je govorila:

– Čak i u krevetu ti nastavljaš dovoditi istragu u zabludu...

Za tjedan dana on se pojavio u Lenjingradu.

Tetka je već sve saznala. Nije plakala. Zvala je pisce koji su imali veze u miliciji. Opet iste: Jurija Germana, Mettera, Saparova.

U konačnici mog brata nisu dirali. Ostavili su ga na miru do suđenja. Samo su uzeli pismenu izjavu da neće napuštati grad.

Brat je došao do mene već prvih dana. Upitao je:

– Ti si pak služio u lenjingradskoj okolici? Znaš li lokalni sistem zatvora?

– Recimo da znam. Bio sam u Obuhovu, Gorelovu, na Piskarevki...

– Gdje bi meni, po tvom mišljenju, bilo bolje odležati?

– U Obuhovu je manje strog režim, čini mi se.

– Ukratko, treba otići tamo i upoznati se...

Otišli smo u Obuhovo. Ušli u kasarnu. Porazgovarali s dežurnim. Saznali koga znam od narednika koju su tu služili vojni rok.

Za minutu su u kasarnu doletjeli narednici Goderizde i Osipenko.

Zagrlili smo se. Upoznao sam ih s mojim bratom. Zatim preispitao tko je ostao od stare zatvorske administracije.

– Kapetan Derjabin, – odgovorili su nadzornici.

Dobro sam se sjećao kapetana Derjabina. Bio je to relativno dobrodušni, nakaradni pijanac. Zatvorenici su krali od njega cigarete. Dok sam ja služio, Derjabin je bio poručnik.

Pozvonili smo u zatvor. Za minutu se na straži pojavio Derjabin.

– A! – poviknuo je on. – Serjoga, došao si! Da vidim na koga sličiš! Čuo sam da si postao pisac? Hajde opiši stvarni događaj. Meni se robijaš bacio s izoliranog objekta. I tako, izveo sam brigadu vodoinstalatera na radno mjesto. Postavio sam stražara. Otišao izvršiti malu nuždu. Vraćam se, i nema jednog robijaša. Odletio... Savili su, zamisli, bor. Zavezali su robijaša za vrh bora pojasom za alat – i pustili. A robijaš se u letu odvezao – i zauvijek nestao. Odletio je skoro preko željezničkog prijelaza. No malo je promašio. Nadao se da će se prizemljiti u snijeg pokraj skladišta drva. A dogodilo se da je sletio u dvor ureda za novačenje vojnika... I još jedan čisto književni detalj. Kada su ga regrutirali, ugrizao je za nos vojnog komesara...

Upoznao sam Derjabina s mojim bratom.

– Leha, - rekao je kapetan pružajući ruku.

– Bob.

– Dakle, – počeo sam, – ne bi bilo loše da malo?..

Odlučili smo otići iz kasarne u najbliži šumarak. Pozvali smo Goderizdea i Osipenka. Izvukli smo iz torbe četiri boce *Zveroboja*. I sjeli na srušenu jelu.

– Pa, neka nam je sa srećom! – rekli su čuvari.

Za pet minuta brat se grlio s Derjabinom. I svako toliko mu postavljao pitanja:

– Što je s grijanjem? Ima li puno pasa čuvara na kontrolnim točkama? Poštuje li se načelo čuvanja u ćelijama?

– Nećeš propasti, – uvjerali su ga nadzornici.

– Dobar je zatvor, – tvrdio je Goderizde, – bit će ti dobro, odmorit ćeš se, postat ćeš junačina...

– I dućan je sasvim blizu, – ubacivao se Osipenko, – iza pruge... Crno, bijelo vino, pivo...

Za pola sata Derjabin je rekao:

– Odležite, djeco, dok sam živ. Jer ako otpuste Lehu Derjabina, nema vam trte-mrte... Doći će različiti pametnjakovići s nezavršenim fakultetom... Sjetite se tada Lehe Derjabina...

Borja je zapisao njegov kućni telefon.

– I ja ću tvoj zapisati, – rekao je Derjabin.

– Nema smisla, – odgovorio je brat, – doći ću tu za mjesec dana...

U vlaku na putu doma on je govorio:

– Zasad i nije tako loše.

A ja sam skoro zaplakao. Očito je djelovao *Zverboj*...

Uskoro je počelo suđenje. Brata je opet branio isti odvjetnik, Kiselev. Prisutni su mu svako toliko počinjali pljeskati.

Zanimljivo, žrtvom događaja on je prikazao mog brata, a ne pokojnog Korobčenka.

U zaključku je rekao:

– Ljudski život nalikuje na planinsku cestu s mnogo opasnih zavoja. Jedan od njih postao je sudbonosan za mog branjenika.

Brat je opet dobio tri godine. Sad već strogog režima.

Na dan suđenja dobio sam pošiljku iz Čite. U njoj je bilo deset kutija japanskih cigareta *Hi-Lite*...

Borju su poslali u Obuhovo. Pisao mi je da je zatvor dobar, a vojna straža dovoljno humana.

Kapetan Derjabin pokazao se kao čovjek od riječi. Postavio je Borju za rezača kruha. Bila je to zavidna nomenklatura dužnost.

Za to je vrijeme žena moga brata rodila kćer Natašu. Jednom me je zovnula i rekla:

– Dopuštaju nam posjet. Ako si slobodan, idi s nama. Meni će samoj s dojenčecom biti teško.

Otišli smo u četvero – tetka, Liza, dvomjesečna Nataša i ja.

Bio je vreli dan u kolovozu. Nataša je cijelim putem plakala. Liza se živcirala. Tetku je zaboljela glava...

Došli smo do straže. Zatim smo otišli u sobu za susrete. Osim nas, tamo je bilo još šestero posjetitelja. Zatvorenike je odvajala staklena pregrada.

Liza je mijenjala pelenu kćeri. Brat se još nije pojavio. Došao sam do dežurnog nadzornika.

– A gdje je Dovlatov? – upitao sam.

Ovaj je grubo odgovorio:

– Čekajte.

Rekao sam:

– Zovnite dežurnog i pozovite mog brata. I reci Lehi Derjabinu da sam ti naredio da požuriš!

Dežurni je malo snizio ton:

– Ja se Derjabinu ne podčinjavam. Moj nadređeni je operativac...

– Hajde, zovi... – rekao sam.

Tada se pojavio moj brat. Bio je odjeven u sivu zatvorsku odoru. Na obrijanoj glavi počela je pomalo rasti kosa. Pocrnio je i izgledao kao da se izdužio.

Tetka mu je kroz otvor pružila jabuke, kobasicu i čokoladu.

Liza je govorila kćeri:

– Tatusja, evo tate. Vidiš, eto tate...

A brat je promatrao samo mene. Zatim je rekao:

– Imaš ogavne hlače. Nekakve govnašte boje. Hoćeš da te spojim s jednim Židovom? Baš tu u zatvoru ima jedan Židov koji šije nevjerojatne hlače. Uzgred rečeno, i preziva se Šnajder. Dogode se i takva podudaranja...

Ja sam povikao:

– O čemu ti pričaš?! Kakve to ima veze?!

– Ne brini, – nastavio je, – bit će besplatno. Ja ću dati novac, ti ćeš kupiti materijal, a on će sašiti hlače... Židov uvijek govori: „Stražnjica je lice čovjeka!“ A pogledaj samo svoju... S nekim naborima ...

Činilo mi se da se za višestrukog kriminalca ponaša prilično zahtjevno...

– Novac? – načulila je uši tetka. – Odakle? Znam da je u zatvoru zabranjeno imati novac.

– Novci su kao mikrobi, – rekao je Boris, – ima ih posvuda. Kad izgradimo komunizam, sve će biti drugačije.

– Pogledaj napokon kćer, – moljaka ga je Liza.

– Vidio sam, – rekao je brat, – prekrasan curetak...

– Kako stojite s hranom? – upitao sam.

– Loše. Iskreno, i ne idem u menzu. Pošaljem u trgovinu nekoga od nadzornika... Dogodi se i da nema što kupiti. Poslije jedan popodne ne možeš nabaviti kobasicu ili jaja... Da, Nikita⁷ je uništio poljoprivredu...

Gdje su vremena kada smo Europu hranili... Jedina nam je nada privatni sektor...Obnova NEP-a...

– Tiše, – rekla je tetka.

Brat je dozvao dežurnog nadzornika. Nešto mu je došapnuo. Ovaj se odmah počeo pravdati.

Mi smo mogli uhvatiti tek dio razgovora.

– Ali ja sam zamolio, – rekao je moj brat.

–Znam, – odgovarao je nadzornik, – ne brini. Tolik će se vratit za desetak minuta.

– Ali još sam zamolio da bude do dvanaest i trideset.

– Nije bilo moguće drugačije.

– Dima, uvrijedit ću se.

---

⁷ Nikita Hruščov

– Borja, znaš me. Ako sam nešto obećao, onda ću to i napraviti, takav sam... Tolik se vraća doslovno za pet minuta...

– Ali mi želimo sada nešto popiti!

Upitao sam:

– O čemu se radi? Što je?

Brat je odgovorio:

– Poslao sam jednog pametnjakovića po votku, i nestao je... Pravi kupleraj, a ne vojni odred.

– Strpat će te u samicu, – rekla je Liza.

– Pa i u samici su valjda ljudi?!

Dijete je opet počelo plakati. Liza se uvrijedila. Prema njoj se brat pokazao kao neljubazan i ravnodušan. Tetka je uzimala lijek za lijekom.

Vrijeme susreta polako je isticalo. Jednog su robijaša praktički odvukli na silu. Pokušao se istrgnuti te je povikao:

– Nad'ka, budeš li se kurvala, ubit ću te! Naći ću te i prebiti kao mačku... To ti obećavam! I zapamti, kujo, voli te tvoj Vovik!..

– Moramo ići, – rekao sam, – vrijeme je.

Tetka se okrenula. Liza je uspavljivala malu.

– A votka? – rekao je moj brat.

– Popijte je sami – odgovorio sam.

– Ja sam htio s tobom.

– Ne treba, brate, što se tu ima piti?..

– Kako hoćeš... A onog ću nadzornika svakako dohvatiti. Za mene je kod ljudi najvažnija odgovornost...

U to se pojavio Tolik s bocom. Vidjelo se da je žurio.

– Evo kusur, – rekao je, – rublja i trideset kopjejk.

– Suptilnije, momci, da ne vidim, - rekao je dežurni pružajući Borji emajliranu kriglu.

Brat ju je brzo napunio. I svatko je uzeo po gutljaj. I robijaši, i njihova rodbina, upravitelji i nadzornici. I sam dežurni...

Jedan je neobrijani, tetovirani robijaš podižući kriglu rekao:

– Za našu veliku domovinu! Posebno za druga Staljina! Za pobjedu nad fašističkom Njemačkom! Iz svih artiljerijskih oruđa – bum bum!..

– Živjela nam okorjela reakcionarna klika Imre Nagy! – pridružio se drugi...

Dežurni je dotaknuo bratovo rame:

– Bob, oprost, no vrijeme je...

Oprostili smo se. Pružio sam bratu ruku kroz pregradu. Tetka je šuteći gledala sina. Liza je odjednom zaplakala, probudivši Natašu koja je netom prije usnula. Počela je prodorno plakati. Izašli smo i krenuli hvatati taksi...

Prošla je skoro godina. Brat je pisao da sve teče u redu. Radio je kao rezač kruha, a nakon što je Derjabin otišao u mirovinu, postao je električar.

Zatim je mog brata tražio predstavnik MUP-a. Vlast je odlučila snimiti film o zatvorima.

O tome kako su sovjetski zatvori najhumaniji na svijetu. Film je bio namijenjen za unutarnje korištenje. Naslov je bio poprilično suhoparan: *Metode čuvanja popravno-radnih kolonija strogo režima*.

Brat se vozio po udaljenim logorskim punktovima. Dobio je na korištenje auto GAZ-61. Dali su mu i odgovarajuću aparaturu. Neprestano su ga pratila dvojica stražara – Goderizde i Osipenko.

Brat je mogao često dolaziti kući. Nekoliko je puta bio kod mene.

Do ljeta je film bio snimljen. Brat je istovremeno imao funkciju kamermana, redatelja i spikera.

U lipnju je bila premijera. U dvorani su sjedili generali i pukovnici. Na raspravi o filmu general Šurepov je rekao:

– Dobar i nužan film... Gleda se kao *Tisuću i jedna noć*...

Borju su pohvalili. Do rujna je trebao biti na slobodi.

I ja sam napokon prokužio glavnu crtu karaktera mog brata. Podsvjesno je bio stihijski egzistencijalist. Mogao je djelovati samo u graničnim situacijama. Graditi karijeru samo u zatvoru. Boriti se za život samo na rubu ponora...

Napokon su ga oslobodili.

Dalje se moram ponavljati. Tetka se obratila Juriju Germanu. Brat je dobio posao fizikalnog radnika u studiju dokumentarnih filmova. Nakon dva mjeseca postao je ton-majstor. A za pola godine šef odjela za nabavu.

Otprilike sam tih dana konačno dobio otkaz. Pisao sam priče i živio od mamine mirovine...

Kada se tetka razboljela i umrla, među njezinim smo papirima pronašli portret šarmantnog muškarca sivih očiju. Bio je to zamjenik Kirova – Aleksandr Ivanovič Ugarov. Nalikovao je na mog brata. Iako je izgledao znatno mlađe.

Borja je i prije znao tko mu je otac. Sada smo o toj temi otvoreno pričali.

Brat je mogao pokušati naći svoju rodbinu. No nije htio. Rekao je:

– Za mene postojiš ti i više nitko...

Zatim se zamislio i dodao:

– Kako čudno! Ja sam napola Rus. A ti – napola Židov. No obojica volimo votku s pivom... Sedamdeset devete godine ja sam odlučio emigrirati. Brat je rekao da ne želi otići.

Ponovno je počeo piti i tući se u restoranima. Prijetio mu je otkaz na poslu.

Čini mi se da je on mogao živjeti samo u zatvoru. Na slobodi bi se raspustio, pa čak i obolio.

Rekao sam mu posljednji put:

– Otiđimo.

Reagirao je bezvoljno i tužno:

– Nije to za mene. Pa morat ću obilaziti različite urede. Potrebno je svih uvjeriti da si ti Židov... Bilo bi mi neugodno... No, da sam mamuran, hop – i eto me na rimskom Kapitoliju...

U zračnoj luci moj je brat zaplakao. Očito da je ostario. Osim toga, uvijek je bilo lakše otići, nego ostati...

Već četvrtu godinu živim u New Yorku. Četvrtu godinu šaljem pošiljke u Lenjingrad. I odjednom dobijem pošiljku od tamo.

Otvorio sam je odmah u pošti. U njoj se nalazila plava majica s ambblemom Olimpijskih igara. I još teški metalni vadičep poboljšane konstrukcije.

Zapitao sam se što mi je u životu bilo najmilije? I shvatio: četiri komadića šećera u kocki, japanske cigarete *Hi-Lite*, plava majica i još taj vadičep...

9. Список источников и литературы

9.1. Книги и статьи на русском языке

АЙЗЕНБЕРГ Михаил, Юрий Арабов. „Андеграунд вчера и сегодня“. Опубликовано в журнале *Знамя* № 6 (1998) <http://magazines.russ.ru/znamia/1998/6/krit.html> (17/02/2015).

АЛЕКСЕЕВА Людмила. *История инакомыслия в СССР. Новейший период*. Москва: Московская Хельсинкская группа, 2012.

БОЛТЯНСКАЯ Нателла. „Был обычай на Руси — ночью слушать Би-би-си“. Опубликовано 01/09/2009. <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/2297> (17/02/2015).

ВДОВИН А. И. „Диссидентство в СССР (1950-1980 гг.)“ Впервые опубликовано в газетах: *Usvit (Заря)* № 24 (Словакия, 1999); Советская Россия. (19 авг. 2000) http://www.portal-slovo.ru/history/35413.php?ELEMENT_ID=35413. (04/12/2014).

ГЕНИС Александр. *Довлатов и окрестности (филологический роман)*. Москва: Вагриус, 2001.

ДОЛИНИН В.Э. Б. И. Иванов, Б. В. Останин и Д. Я. Северюхин. *Самиздат Ленинграда: 1950-е – 1980-е. Литературная энциклопедия*. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. (ссылка на Интернет издание вступительной статьи книги: „Преодоление немоты“ <http://polit.ru/article/2003/07/25/621950/>).

ИГРУНОВ В. В., ред. *Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е*. Сост. М. Ш. Барбакадзе. Москва: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. В 3-х томах (Интернет издание: <http://antology.igrunov.ru/>).

КОЛЧИНА Анна. *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Социокультурный феномен "Радио Свобода" в информационном пространстве современной России*. Москва: МГУ Факультет журналистики, 2011. <http://www.dissercat.com/content/sotsiokulturnyi-fenomen-radio-svoboda-v-informatsionnom-prostranstve-sovremennoi-rossii#ixzz3hniRnUYF> (17/02/2015).

КОЛЧИНА Анна. *Радио Свобода как литературный проект. Социокультурный феномен зарубежного радиовещания*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

<http://id.hse.ru/data/2014/09/09/1316956024/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D1%87%D0%>

[B8%D0%BD%D0%B0_%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%821.pdf](#)

(17/02/2015).

КОЛЧИНА Анна. „Писатели-эмигранты у микрофона *Радио Свобода* в 1970-1980 годы“. *Медиаскоп*. № 3 (2010). <http://www.mediascope.ru/node/624> (17/02/2015).

КОЛЧИНА Анна. „Литературная жизнь современного русского Зарубежья: писатели у микрофона *Радио Свобода*“. *Медиаскоп*. № 1 (2011). <http://www.mediascope.ru/node/741> (17/02/2015).

КОЛЧИНА Анна. „*Радио Свобода* в новой России: трансформация редакционной политики (1991–2013 гг.)“. *Медиаскоп*. № 1 (2014). <http://www.mediascope.ru/node/1489> (17/02/2015).

КОЛЧИНА Анна. „*Радио Свобода*: от истории к сценической интерпретации“. *Медиаскоп*. № 2 (2015). <http://www.mediascope.ru/node/1724> (01/07/2015).

КОЛЧИНА Анна. „Как *Радио Свобода* сохранило запрещенную литературу“. Опубликовано 04/06/2015. <https://www.oximity.com/article/%D0%9A%D0%B0%D0%BA-%D0%A0%D0%B0%D0%B4-1> (01/07/2015).

КОРТИ Марио. „Беседа с В. И. Коновалихным“. *Радио Свобода: Вспомогательные материалы исследовательского отдела*. 25 апреля 1989 г. https://www.academia.edu/8356940/%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%B0_%D1%81_%D0%92.%D0%98._%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%85%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D0%BC [Interview with Vadim Konovalikhin Soviet worker and Dissident](#) (08/12/2014)

КРИВУЛИН Виктор. „Золотой век самиздата“. *Русская виртуальная библиотека*. <http://www.rvb.ru/np/publication/00.htm>. (05/11/2014)

МАКАРОВ А. А. публ. *Власть и диссиденты. Из документов КГБ и ЦК КПСС*. Сост. А. А. Макаров, Н. В. Костенко, К. В. Кузовкин. Москва: Московская Хельсинкская группа, 2006.

ПЛЕЙКИС Римантас. „Радиоцензура“ *Вильнюс, 2002-2003 г.* <http://www.radiojamming.info/> (15/12/2014).

ПЯТКОВСКИЙ Алексей. „Очерк истории самиздата“ Опубликовано 08/08/2012. <http://gefter.ru/archive/5757> (17/02/2015).

САВИЦКИЙ Станислав. *Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы*. Москва: Кафедра славистики Университета Хельсинки, Новое литературное обозрение, 2002.

СКАРЛЫГИНА Елена. „В зеркале трех эмиграций: самоидентификация как проблема эмигрантского сознания“. Опубликовано в журнале *НЛО*. № 93 (2008). <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html> (01/07/2015).

СМИРОНОВА А.И., ред. *Литература русского зарубежья (1920—1990): Учебное пособие, 2-е издание, стереотипное*. Москва: Издательство Флинта, 2012.

СТРУКОВА Елена. „Самиздат: документы и исследования“. Опубликовано 05/10/2012. <http://gefter.ru/archive/6382> (15/12/2014).

СУРИКОВА А. Ольга. *Автореферат диссертации на тему: Русский самиздат 1960-1980-х годов: Судьба поэзии модернистов и ее традиции. Московские творческие объединения и периодические издания*. Москва: 2013. *Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat* <http://www.dissercat.com/content/russkii-samizdat-1960-1980-kh-godov-sudba-poezii-modernistov-i-ee-traditsii-moskovskie-tvorc#ixzz3iDAbdKPk> (01/07/2015).

ФЕДОСЕЕВА А. Марио Корти. „Беседа о самиздате и его перспективах в условиях гласности и перестройки“. *Радио Свобода: Вспомогательные материалы исследовательского отдела*. 6 февраля 1989 г. https://www.academia.edu/8558009/%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BE%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B8%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%85%D0%B2%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%8F%D1%85%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B8_On_Samizdat_under_glasnost_and_perestroika_6.2.1989 (08/12/2014).

ФЕДУЛОВ А. Н. „Литературно-художественный самиздат в СССР в 1970-1980-е гг.“ *Известия Алтайского Государственного Университета*. № 4-5 (2008): 219-221. <http://cyberleninka.ru/article/n/literaturno-hudozhestvennyy-samizdat-v-sssr-v-1970-1980-e-gg>. (03/11/2014).

СОСИН Джин. *Искры Свободы. Воспоминания ветерана радио* (пер. с англ.

О. Поленовой и И. Толстого). <ftp://realaudio.rferl.org/ru/sosin.pdf> (17/02/2015).

ТОЛСТОЙ Иван. „Невидимая сторона Луны“. Разговор с А. Колчиной на РС. Опубликовано 01/09/2014. <http://www.svoboda.org/content/article/26560640.html> (17/02/2015).

ТОЛЬЦ Владимир. Разница во времени: „Свобода как осознанная необходимость“
Опубликовано 16/02/2003. <http://archive.svoboda.org/programs/TD/2003/TD.021603.asp>
(17/02/2015).

УШАКИН Сергей. „Ужасающая мимикрия самиздата“. Источник: Oushakine S.A. “The
Terrifying Mimicry of Samizdat” *Public Culture*. Vol. 13 № 2 (2001): 191–214. (пер. с англ.
<http://gefeter.ru/archive/6204>) (17/02/2015).

ШАРЫЙ Андрей. „Филолог Анна Колчина – о феномене Радио Свобода“. Разговор с А.
Колчиной на РС. Опубликовано 06/12/2011.
<http://www.svoboda.org/content/article/24413516.html>, (17/02/2015).

9.2. Книги на английском языке

ALEXEYEVA Ludmilla. *U.S. Broadcasting to the Soviet Union*. New York – Washington:
U.S. Helsinki Watch Committee, 1986.

CUMMINGS Richard H. *Cold War Radio. The Dangerous History of American Broadcasting
in Europe, 1950-1989*. Jefferson, North Carolina and London: McFarland and Company, Inc.,
Publishers, 2009.

DANIELS Robert V. „Gorbachev's Reforms and the Reversal of History“. *The History
Teacher*. Vol. 23, No. 3 (May, 1990): 237-254. <http://www.jstor.org/stable/494858>.
(07/11/2014).

JOHNSON A. Ross. *Cold War Broadcasting. Impact on the Soviet union and Eastern
Europe. A collection of studies and documents*. Ed. A. Ross Johnson and R. Eugene Parta.
Budapest – New York: Central European University Press, 2010.

JOHNSON A. Ross. *Radio Free Europe and Radio Liberty. The CIA Years and Beyond*.
Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2010.

KIND-KOVACS Friederike, ed., Jesse Labov, ed. *Samizdat, Tamizdat and Beyond.
Transnational Media During and After Socialism*. New York, Oxford: Berghahn Books,
2013.

KOMAROMI Ann. „Samizdat and Soviet Dissident Publics“. *Slavic Review*. Vol. 71, No. 1
(Spring, 2012): 70-90. <http://www.jstor.org/stable/10.5612/slavicreview.71.1.0070>.
(07/11/2014).

KOMAROMI Ann. „Samizdat as Extra-Gutenberg Phenomenon“. *Poetics Today. Publish and Perish: Samizdat and Underground Cultural Practices in the Soviet Bloc (I)* Vol. 23, No. 4 (Winter, 2008): 629-667. <http://www.jstor.org/stable/40280844>. (07/11/2014).

KOMAROMI Ann. „The Material Existence of Soviet Samizdat“. *Slavic Review*. Vol. 63, No. 3 (Autumn, 2004): 597-618. <http://www.jstor.org/stable/1520346>. (22/04/2014).

KOMAROMI Ann. „The Unofficial Field of Late Soviet Culture“. *Slavic Review*. Vol. 66, No. 4 (Winter, 2007): 605-629. <http://www.jstor.org/stable/20060375>. (07/11/2014).

LYNCH STREET Nancy, ed., Marilyn J. Matelski, ed. *Messages from the Underground. Transnational Radio in Resistance and in Solidarity*. Westport, Connecticut: Praeger Publishers, 1997.

OUSHAKINE A. Sergei. “The Terrifying Mimicry of Samizdat” *Public Culture*. Vol. 13 No. 2 (2001): 191–214.

PANFILOV A. F. *Broadcasting pirates or abuse of the microphone. An outline of External Political Radio Propaganda by the USA, Britain and the FRG*. Moscow: Progress Publishers, 1981.

PARTA R. Eugene. *Discovering the Hidden Listener: An assesment of Radio Liberty and western broadcasting to the USSR during the Cold War; A study based on research findings, 1970-1991*. Stanford: Hoover Institution Press, 2007.

PUDDINGTON Arch. *Broadcasting Freedom. The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. Kentucky: The University Press of Kentucky, 2000.

REMINGTON Thomas F. *The Truth of Authority. Ideology and Communication in the Soviet Union*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1988.

SHORT K. R. M. ed. *Western Broadcasting over the Iron Curtain*. London-Sydney: Croom Helm, 1986.

SKILLING H. Gordon. *Samizdat and an Independant Society in Central and Eastern Europe*. Hampshire, London: The Macmillan Press LTD, 1989.

STEINER Peter. „On Samizdat, Tamizdat, Magnitizdat, and Other Strange Words That Are Difficult to Pronounce.“ *Poetics Today* Vol. 29, No. 4 (Winter, 2008): 613-628. <http://poeticstoday.dukejournals.org/content/29/4/613.full.pdf> (10/12/2014).

STEVANOVIC Bosiljka, Vladimir Wertsman. *Free Voices in Russian Literature, 1950s – 1980s. A Bio-Bibliographical Guide*. Ed. Alexander Sumerkin. New York: Russica Publishers, Inc., 1987.

STREET Lynch Nancy, Marilyn J. Matelski, ed. *Messages from the Underground: Transnational Radio in Resistance and in Solidarity*. Westport: Praeger Publishers, 1997.

YURCHAK Alexei. *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2005.

ZASLAVSKAYA Olga. „From Dispersed to Distributed Archives: The Past and the Present of Samizdat Material.“ *Poetics Today* Vol. 29, No. 4 (Winter, 2008): 669-712. <http://poeticstoday.dukejournals.org/content/29/4/669.abstract> (10/12/2014).

9.3. Интернет страницы

Википедия: „Иностранное радиовещание на территорию СССР“ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0_%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8E_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0 (01/07/2015).

Komaromi Ann. „Soviet Samizdat Periodicals“. (*University of Toronto Libraries*) <http://samizdat.library.utoronto.ca/> (10/12/2014).

Скрябина Татьяна. Энциклопедия *Кругосвет*: „Литература русского зарубежья“. http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/LITERATURA_RUSSKOGO_ZARUBEZHYA.html?page=0,0 (01/07/2015).

Шехтман Павел. Энциклопедия *Кругосвет*: „Самиздат“. http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SAMIZDAT.html?page=0,0 (10/12/2014).

„60 лет Радио Свобода“ <http://www.svoboda.mobi/a/24916251.html> (01/07/2015).

Довлатов С. на *Радио Свобода*. <http://www.staroradio.ru/audio/8425> (01/07/2015).

Lenta.ru. „Радиодиверсия провалилась“ Опубликовано 21/07/2011. <http://lenta.ru/articles/2011/06/20/radio/> (17/02/2015).

Самиздат. <http://gruzdoff.ru/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D1%82> (10/12/2014).

Сергей Довлатов. <http://www.sergeidovlatov.com/> (01/07/2015).

Сергей Довлатов. <http://www.sergeydovlatov.ru/> (01/07/2015).

Радио Свобода. <http://www.svoboda.org/> (01/07/2015).

Радио Свобода: Радиопрограммы. <http://www.svoboda.org/ProgramIndex.aspx>
(01/07/2015).

Радио Свобода: Полвека в эфире. <http://archive.svoboda.org/50/Files/> (01/07/2015).

Радио Свобода: Программы. http://archive.svoboda.org/programs/desc_cult.asp
(01/07/2015).

Центр Мемориал. <http://www.memo.ru/> (01/07/2015).

Sažetak

Nakon smrti Stalina 1953. godine Sovjetski Savez bilježi promjene na svim razinama, pa tako i na kulturnoj sceni. Formiranje neslužbene („druge“) kulture, koja nastoji djelovati nezavisno od odredbi službene vlasti, intenzivira se 1960-ih. U to je vrijeme Samizdat, od teksta koji se ilegalno diseminirao među ruskom inteligencijom i građanima željnim kulturno-književnih noviteta, postao svojevrsnom institucijom. Tematsko polje samizdatskih tekstova s vremenom se proširilo, te je samizdat postao glavnim instrumentom u borbi disidenata s represivnim mjerama sovjetske vlasti. Iako je politički samizdat kvantitativno dominirao, među građanima je daleko popularniji bio književni samizdat, kao i razmjena pločama s glazbom ruskih barda, ali i zapadnih izvođača (tzv. *magnitizdat*). S jačanjem veza sa zapadom i novim tehnološkim dostignućima u sferi tiskarstva sve popularnijom pojavom postaje *tamizdat* – tekstovi prokrijumčareni iz Sovjetskog Saveza na Zapad, gdje su službeno objavljivani, a zatim ilegalnim putem vraćani nazad, postajući tako dostupni širem krugu čitatelja.

Društveno-političke ambicije disidenata, inteligencije i sovjetskih građana uopće, ubrzo su prepoznate od strane zapadne diplomacije i medija, koji se uključuju u politički i kulturni život Sovjetskog Saveza, provodeći oštru antisovjetsku i antikomunističku propagandu, a najveći utjecaj imalo je radio. „Neprijateljski glasovi“, kako je sovjetska vlast zvala zapadne radio stanice, od 1970-ih mijenjaju svoj pristup te se okreću kulturnoj diplomaciji, pokušavajući prodrijeti do sovjetskih slušatelja manje invazivnim načinom, pridonoseći u isto vrijeme očuvanju njihove vlastite kulture i prošlosti. Među njima se najviše isticala literarna djelatnost Ruske službe *Radio Svoboda*, koja od 1970-ih u svoje književne redakcije zapošljava eminentne ruske pisce trećeg vala emigracije.

U ovom se kontekstu pokušalo promotriti razvoj Samizdata i drugih načina neslužbene komunikacije među građanima Sovjetskog Saveza i Zapada, postavljajući naglasak na *Radio Svobodu* koja je prednjačila po broju emisija i sati u eteru posvećenih ruskoj književnosti u zemlji i inozemstvu. Na taj je način formirana cijela generacija pisaca, koji su mogli, iako „u progonstvu“, komunicirati sa svojim sunarodnjacima i upoznati ih sa svojim književnim radom, najčešće nedostupnim u Sovjetskom Savezu. Jedan od popularnijih književnika i voditelja bio je Sergej Dovlatov. Nakon raspada SSSR Dovlatov postaje književnim klasikom u Rusiji, a u spomen njegovu imenu i djelu u ovaj je rad uključen i prijevod kratke priče *Moj stariji brat*.

Ključne riječi: samizdat, tamizdat, radio, *Radio Svoboda*, Sergej Dvlatov, *Moj stariji brat*, cenzura, neslužbena komunikacija, Hladni rat, SSSR, radio emisija, ruska književnost, treći val emigracije

Ключевые слова: самиздат, тамиздат, радио, Радио Свобода, Сергей Довлатов, Мой старший брат, цензура, неофициальная коммуникация, холодная война, СССР, вещание, радиопередача, русская литература, третья волна эмиграции

Životopis

Marijana Jurčević, rođena 10.08.1990. u Makarskoj, gdje je završila osnovnu i srednju školu, opću gimnaziju, te paralelno pohađala školu stranih jezika (engleski jezik). Akademske godine 2009/2010 upisala Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, smjer ruskog jezika i književnosti i povijesti umjetnosti. Zvanje prvostupnika na oba smjera stekla 2013. godine. Godine 2014. dobila studijski boravak u trajanju od 5 mjeseci na Filološkom fakultetu u Sankt-Peterburgu, a zatim na Filozofskom fakultetu Sveučilišta ELTE u Budimpešti, također u trajanju od 5 mjeseci. Među izvanfakultetskim aktivnostima bilježe se stažiranje u Laubi, volontiranje na sajmu *Sa(n)jam knjige u Istri* s tematom *Izlet u Rusiju* (Pula, 2013.), vođenje Kluba studenata povijesti umjetnosti u funkciji glavne odgovorne osobe ak. god. 2013/2014, zatim pisanje članka iz područja povijesti umjetnosti za studentski projekt *Wikipedia PUM* za koji je 2014. nagrađena skupnom Rektorovom nagradom. U razdoblju od 2013–2015 honorarno radila u Muzeju suvremene umjetnosti kao službeni vodič.